

СМЕНА

№ 11 июнь 1972

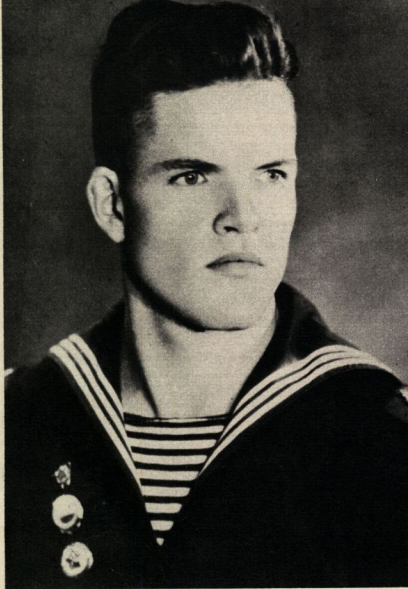
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ХАРЬКОВСКИЙ КЛУБ
«ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ»

КОММУНИСТ

В. ВОРОЖЦОВ — КУРСАНТ ВОЕННО-МОРСКОГО УЧИЛИЩА. 1956 г.

Адольф ДИХТЯРЬ

«Родная моя, Любимая. Когда ты прочтешь это письмо, меня уже не будет. Это единственное, что я срывал от тебя. Тяжело самому носить эту тяжесть. Но разнести ее я не мог даже с тобой. Я верю, мои друзья поддержат тебя и помогут тебе. Я очень не хочу, чтобы ты плакала. Я знаю, как будет тебе тяжело. Но помни: ты не просто жена курносого Веника Ворожцова. Ты жена секретаря райкома комсомола. Ты жена коммуниста. И сама коммунистка. Будь сильной!»

Секретарь Октябрьского райкома АКМУ города Запорожья Венидик Ворожцов так и не вышел из комсомольского возраста. 24 июня 1964 года ему исполнилось бы двадцать восемь лет. Но он умер двумя днями раньше. Обитый красной материей гроб комсомольцы пронесли на руках через весь город. Когда хоронят комиссаров, звучит прощальный салют. Командующий военным округом приказал почтить память Ворожцова салютом.

Для всех, кто знал Венидиката Ворожцова, его короткая жизнь стала эдаким наполеоновым, цедеустремленной, осмысленной жизни.

«Нефрит неизлечим. Как поется в песне, кажим ты был, таким остался — гостем на этом свете. Но я не хочу прогнать гостем... И черту мысли о смерти. Надо жить. И чем меньше отступило тебе времени быть среди людей, тем больше сумей сделать для людей».

«Мне так много надо сделать, чтобы возратить тепло, которое подарил мне люди. Я постоянно чувствую себя должником перед солдатами, похороненными в братских могилах. Перед их матерями. Перед мученицей, которая стучит костяшками по мостовой. И вообще перед людьми... Каждый раз, открывая нового для себя человека, я как бы снова и снова открываю неизвестные мне частички Родины. И оказывается, что она еще более прекрасна, чем я это себе представлял...»

«Пост! Привлаание! Карьера! Как назвать работу секретаря райкома! Никак. Это просто работа. Трудная, хлопотливая, часто несамостоятельная. Успех ее в том, чтобы работать и работать. А смысл! Мы работаем для того, чтобы воспитать в молодежи гражданское самосознание. Вот почему каждый комсомольский работник должен быть светлым. Терпеливым, а главное — трудолюбивым, творческим!»

«Я хочу, чтобы на земле утвердился Закон (его будут писать с большой буквы), по которому один человек всегда сможет подходить к другому и сказать: «Друг, помоги. Мне плохо...»

Также записи, помогающие понять жизненное кредо Ворожцова, остались в его дневнике.

1.

Я прошу ребят рассказать мне об их комиссаре. А ребятам — под тридцать, а ребятам — за тридцать, а ребята входят в возраст, который зовется средним.

Задумываются ребята.

Они знают, что у всякой работы есть начало и есть конец. А в работе секретаря! Попробуй тут разберись, где кончается работа и начинается просто жизнь. Какая же это работа, если завершается она не раньше, чем остываляется сердце! Нет, это не работа. Это жизнь-работа. Это настоящая человеческая жизнь. А в человеческой жизни нет мелочей. В ней все важно.

И еще ребята знают, что, как солдат, отбывая в большой поход, выбирает себе шинель по росту, сапоги по ноге, так и каждый человек, начиная самостоятельную жизнь, выбирает себе цель по плечу.

И еще он выбирает себе знаменосца.

Его знаменосцем был комиссар Фурманов — политический руководитель Чапаевской дивизии, бесстрашный комиссар, который не постес-

нялся рассказать о том, как страшно было ему в первом бою, но не посчитал нужным упомянуть, что за боевые заслуги он был награжден орденом Красного Знамени.

2.

— Зачем ты обманываешь меня?
— Я тебя не обманываю.

— Я знаю, что сказал врач. Врач сказал, что обострилась твоя болезнь. Ведь правда!

— Нет, не правда. Обычное перетомление, и только...

— Ну, хорошо. Пусть будет по твоему. Но после обследования ты должен бросить работу.

— Ты не можешь требовать, чтобы я перестал быть самим собой.

— Никто тебя не осудит.

— Человек судит себя сам. И сам выносит себе приговор.

— Ты много сделал.

— Перед собой не может быть скидок на смягчающие обстоятельства.

— Ты имеешь право на отдых.

— Долг — выше права.

— У тебя есть долг передо мной, перед Витой.

— Я вас люблю.
— Что же это за любовь, если ты не хочешь ничем поступиться?
— Я готов поступиться всем, но как я могу поступиться собой! Разве ты любила бы меня, будь я другим?
— Я борюсь за тебя.

— Все будет хорошо, — сказала он и, не отрывая взгляда от узкой руки жены, повторил то, что минуту назад она уже слышала:

— Обычное переутомление, и только...

— И только? — снова усомнились она.

— И только...

Посмотреть ей открыто в глаза он все-таки не решился.

«Врачи умеют играть в молчанку и честно держатся правил игры. У тебя еще будет время заплакаться, — с горечью подумал он.

Лампочка, затененная сиреневым абажуром, висела низко над столом, и в простенке, где стояла детская кроватка, было полутемно. Вста спала лема на спине, углубленно поспывая в две узкие дырочки. Ноги пригнуты, локти уперлись в простынь.

Словно в танечке, — подумалось

Усталости он, можно сказать, не чувствует. Пять лет в Морской клубе плос первый разряд по гребле — это что-нибудь да значит. У него прочная репутация «марсрослова» — прощальной марши, и он должен держать свою маршу.

Шлопка мет рынками, подстраивалась под голос прибой. А этот голос уже волее уха. Теперь это не праши молотят валыми белле, а дюжие бондари сбавают бочку.

Самка будет самое сложное: надо привырноваться к ходу волны, чтобы она подхватила шлопку и на своей сильной спине вынесла ее на берег.

Их, напрася. Волна взяла шлопку за бона и поволонила на себе. Люди, шлопка и волна — единое целое. Нужно помогать волне веслами. Но не онына же вешиваться в ее работу. Нужно, чтобы и шлопка и люди то что бы то их стало сохранили равновесие. Потеряешь его ты — потеряет и шлопка.

Ничего не видно в тумане. Только голос прибой, только вращальный злов волны, только одновременное — словно движит один человек — дыкание гребцов.

И вдруг...
Прежде чем он осознал, что их опрокинуло, он уже был в воде. Ему показалось, что в руки впились острые разбившейся адрезбегу льдины. Он инстинктивно запрокинул голову и замурзил глаза, и тут же точно что-то с брызгами плеснул из ведра жутким расолом. А и тогда сползнула с плеча, мотая головой и открываясь, он отер глаза, то увидел: прямо

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ II (1081)

ИЮНЬ
1972

НАША ОБЛОЖКА:
РЕКОРДНЫЙ ЗЛЕД.

Фото Виктора САККА

РЕПОРТАЖ «ВСЕГО КИЛОМЕТРА»
ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ 30—31.

3
СЕССИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА.
РЕПОРТАЖ ИЗ ИГУ.

12
КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
КОДРЫ.

20
ПОКАЗЫВАЕТ
ТЕБИЛИСИ
И БАКУ.
«ЛЕТО-72».

24
РИСУЕТ КОМПЬЮТЕР.
НЕОГРАНИЧЕННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ЭВМ.

СМЕНА

ему, и он вспомнил, как котел когда-то промачивался в танчке на джордже от взрывов заволжской степи.

— Спи, Витка-пулеметчик!

Он поправил сползшее одеяло. Слегка повернув голову, осекся глазами на жену.

«Я тебе все напишу», — прошептал он, не разжимая губ, и тут же увидел, как адротили ее щеки.

Была пора новолуния. Но молодой месяц едва-едва проблескивал сквозь низкие, как бы припророщенные перлом облака. «Как маяк в тумане». Он прикрыл глаза и увидел тот давний туман. Давно размытый солнцем, но все так же густой клубящийся в памяти.

— Видимость нулевая, — сказал командир, — но тем хуже для «синих». Учебный катер вносил вноср абнази побережья. Слышно было, как по ту сторону тумана гулко бужает прибойная волна. Словно сотня пращан одновременно ударят валыками по мокрому белью.

Там, за туманом, береговая оборона «синих» сплущена, их надо захватить врасплох. Бешущую тучу на воду шлопки. Бешущую заняли место иурсант. Молчат моторы. Иоравельный десант идет под веслами.

— Курсант! Ворожцов, займите место загребного.

— Есты!
Он первый от кормы. Загребной. По нему равняются бановые гребцы.

перед ним. Буто тень на зирание, стремительно взлетел вверх и моментально опустился борт перевернутой шлопки. Рядом раздался вскрик: кому-то удар пришелся по голове. Тонет человек. Ни о чем уже больше не думая, он сорвал с плеч намозкиши бужалт, нырнул под шлопку и поплыл в глубине, выткнувший рукави обшаривая воду...

Он не любит этого воспоминания. Но разве ему позабить тот непростой туман, если с него началось все, что было потом? Товарища он спас, но ледяная вода сделала свое дело. Врач произнес, как приговор: «нефрит».

Он усмехнулся, опять подумав, что врач умеет беречь тайну, и тут услышал тихий голос жены:

— Молчи, словно перед дальней дорогой...

3.

— Расскажи те, ребята, о своем комсаре.

А ребята — взрослые люди. Они понимают: всего не расскажешь. Он что опустит, если всякая мелочь кажется важной?

— Не чурася всякеш компани. Спиртное ему было противопоказано,

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

РАБОЧАЯ НОРМА —
ГРАНИЦЫ ОДНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
ЗРЕЛОСТЬ ГОРОДА ЮНОСТИ.
КОМСОМОЛЬСКУ-НА-АМУРЕ — СОРОК ЛЕТ

«СИЛУЭТЫ». РЫЛЕВ
ТАНЕЦ ПОКОРЯЕТ МИР

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Лучин (заместитель главного редактора), В. Г. Победносцев, Р. И. Рондественский, Е. И. Рыбинев, Г. В. Семьянов, С. С. Сиринов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

СМЕНА

номанду.— Воронцов приподнял и, маневрируя воображаемым баскетбольным мячом, продался. Р-р-раз — и мяч в корзину. Без подсказки. Спортом тебя надо заставить. А еще вот что. Учишься ты, Саша, в школе рабочей молодежи, а не работаешь. Одно с другим прожить не складется...

— Не берут! — развел длинными руками Саша.— говорят, это ты с виду больша, а в действительности маленькая.

Воронцов задумчиво посмотрел на Толю Проскуркина, номсорта электровозоремонтного, потом опытно на Перлинова:

— А на электровозоремонтном ты был?

— Я рядом с ним жму, так, конечно же, был...

— Не берут?

— Ну, так завтра зайдй еще раз. Возьмут! — уверенно сказала Воронцова.— Обратись к Анатолию Проскуркину. Запомнил? Диктую по слогам: Прос-кур-ки...

— А я сделал пометку в блокноте.— перебил Момота круглолиций парень в коричневой ветлятке (Это и был Анатолий Проскуркин).—

«А. Перлинов. Занеслись учеником слесаря.

Появился Жора Грищенко, цыганско-смулгый, быстрый на слово.

— Прими в номсорт — это только один вопрос повестки. Бюро продолжалось. Гасюдаев повестки, отчет Павлона, секретаря с завода зальпосу. Павлон работать не хотел. Вот и пригласили его на бюро. Сидим. Идем. Часы тикают, а Павлона все нет.

Воронцов позвонил на завод. Трубу взял Павлок. «Мы идем тебя всем бюро», — говорит ему Воронцов. «Иногда мне штаны протирать», — отвечает Павлок. — работать надо.

Кто-то внес предложение: — Ситьт Павлона — и basta.

— Нет,— не согласился Воронцов.— Павлок того и ждет, чтобы ему развалили руки. А мы ему обещали выговор и заставим работать. Знаете что? — Появился Воронцов из-за стола.— Раз Павлок не идет в райком, мы сами поведем на завод. Проведем бюро там.

Так и поступили. На выездное бюро пригласили не только Павлона, но и всех групписомсорт. Я знал, что Вена глубоко вынает в жизнь каждой организации. И все же я был поражен. Он, как выяснилось, знал все до тонкости. Он весело, с фантазией в руках доказал Павлоку, который поначалу все калял на номсольщика — мол, они пассивные, — что организация на заводе работоспособна, что молодежь отличная и что кругом выношат сам Павлок.

— Вена умел убеждать,— закончил Грищенко и, повернув лицо к окну, некоторое время молча смотрел, как ветер пересчитывает листья на деревьях.

— Можно и? — подняла руку, как школьница на уроке, Аня Антипова.— Возвращаясь с выездного бюро, мы завернули на строительство. Сладко и прогорело пахло горючки битумное. Доронники прикатывали асфальт.

Вена, прищурившись, глянула вдоль дороги.

— Случайная дорога получается,— поворочился он и задумался, покусывая губу. И вдруг встрепенулся: — А что если обломить силовые линии? Совсем другая картина будет. Ведь правда?

— Так и надо сделать, — поддержал его Ластовский.

— Так и сделаем, — решительно навалила на лоб ленту Вена, — и не будем терять времени. Я одну ленточку в Дубовой роще знаю — загляденье. Вот мы ее и подсобили чуть-чуть.

Люда,— обратилась Вена и Крабченко,— способна быстро организовать грузовой?

Через полчаса мы поехали на грузовике в Дубовую рощу.

Поздно вечером завершился наш внеурочный воскресник, но Воронцов после него снова вернулся в райком.

— Я знаю, зачем Вена вернулся в райком,— подала голос Оля Прокопенко.— Вена хотел позвонить мне. Я была во Лясове, готовилась к последнему экзамену и вдруг слышу, как дежурная по этажу кричит: «Прокопенко, к телефону!» Вена и сказал-то всего несколько добрых слов, но если бы вы знали, как они меня порадовали...

— Вот и все. Рабочий день закончился,— сказал Момот.

— Нет,— закончилась,— перебил его Шама.— Воронцову надо было написать статью для газеты «Зная юности». И он еще долго не уходил из райкома.

Игорь ГАВРИЛОВ,
студент МГУ.
Фото автора

Чerez три часа библиотека закрывается, а мне еще довольно много нужно успеть. Наверное, всего не прочитаю, придется вносить книги на дом. Хорошо, что у нас в МГУ такая отличная библиотека — приходи, бери, что хочешь, всегда все есть, сидишь, учишь... Ты бы студентам делала без библиотеки? Как бы они учились, сдавая сессии?

Сессии. Сколько сил она отнимает! Уже которую ночь недосыпаю. Бродя бы и знало все, а на сессии сердце все равно убежит куда-то в область пятак, и это не только у меня — пожалуй, все боится сессии. Почему?

Так ведь сессии!

В этот период всезащель и беспечность студентов пропадают, все разом вспоминают, что сту-

дент в переводе с латинского означает «усердно работающий, жаждущий знаний».

Верно, студенты — это прежде всего работяги, и еще какие! Шесть — восемь часов дается лекция и семинары, потом нужно зайти в «аудиторию», закрыть уши мягкими подушечками наушников, отключиться от внешнего мира и начать повторять за диктором урок иностранного языка. После этого идешь в библиотеку — еще два-три часа — получаешь 10—12-часовой рабочей день. Вот вам и беззаботные...

Книги домой давай — значит, часов до двух можно будет поназавтракать: пытаясь доучить недоученное, дочитать недочитанное, одним словом, объездить все. Как правило, это не получается — была прав тот, кто сказал, что перед смертью не надумывается, и вот ругаешь себя за то, что не зависла какую-то лекцию, не законспектировала нужную статью. А по дороге в университет начнешь завидовать тем, над кем посмеивался в течение семестра.

Вот Володя Федоренко, парень из нашей группы, наверняка все успел, все знает. У меня сейчас комья, а он спокойно едет в метро и читает «Правду» — он всегда читает газету по дороге, даже перед экзаменом. Он никогда не берет с собой учебники, конспекты, Володя все помнит. Почему? Да потому, что во время семестра он выполнял святой долг студента: трудился не жалел сил, это было несложно, зато сегодня он спокоен. Моя остановка. Выхожу. Через несколько минут я уже поднимаюсь по знакомой лестнице. Сороч одна ступенька, каждый день я бегаю по ним на занятия, не обрания никому на них внимания. Сегодня день особенный — экзаменационный, сейчас каждая ступенька приближает меня к той двери, за которой меня ждет или триумф, или провал. Около аудитории уже многолюдно. Целую в щеки ода — сосредоточиться, выбросить из головы второстепенные мысли. Надуты головы поворачиваются в одну сторону, глаза вшиваются в идущего по коридору экзаменатора, стараюсь определить его настроение.

Экзамен начался. Я всегда старюсь войти в аудиторию с первым потоком — это дает ряд преимуществ: во-первых, перед тобой лежит цепа, никем еще не разоренная стопа билетов и ты деловито выбираешь из ста процентов, во-вторых, ты ковыляешь себя от самого страшного — от долгого и мучительного ожидания своей очереди перед дверью, когда в надежде кто-то вспомнит можешь позабыть все, что знал; в-третьих, ты быстрее освободишься от чувства неопределенности, которое выражается словами: «Сдам — не сдам!»

Как только «рубикон перейден» и за спиной у тебя закрывается дверь, внезапно моментально исчезает. Берешь билет, говоришь номер, садимся за стол и начинаешь писать ответ. В ожидании двери на тебя смотрят взволнованные глаза «одноклассников». Сознание, что за тебя переживают, очень помогает на сессии.

Наконец, приходит время идти отвечать. Самое трудное здесь — начать. Это нужно сделать так, чтобы преподаватель понял, что ты хорошо знаешь материал. Если начало удалось, то и кончиться обязательно хорошо. Когда замечаешь, что экзаменатор удовлетворен твоим ответом — это обыч-

но совпадает с тем моментом, когда он берет в руки твою записку и начинает записывать ее, — нужно было быстро закончить ответ и, не вступая в дискуссии, которые хороши на семинаре, поблагодарить преподавателя и выйти.

В коридоре обычно несколько минут отвечаешь на вопросы товарищей и только потом осущаешь, что экзамен позади и гора с плеч, правда, ненадолго, ведь через четыре дня новый экзамен.

Но вообще мы, студенты, счастливы! Мы учимся. А сколько еще таких же, как мы, ребят и девушек хотят быть студентами, но по той или иной причине не попали в институт! Вспомним, какой конкурс был, когда мы поступали в вуз. Наверное, не мальчиш! Вот у меня, например, шесть человек на место. Из шести мог поступить только один, а пять других выуждены были ждать следующего года, хотя, уверен, они в равной степени достойны были учиться.

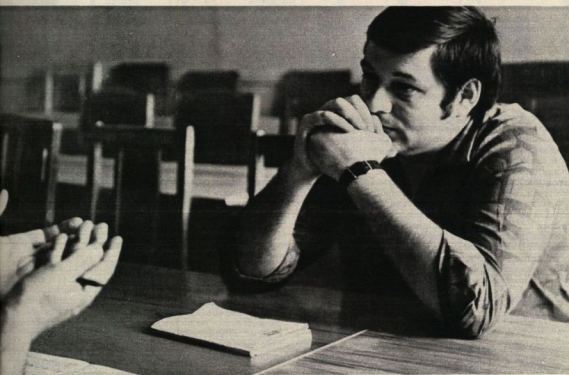
Когда нужно было сдать вступительные экзамены Владимиру Толстому, парню из ташкентского села Тюменской области, разлилась река. Вода не шла ни через день, ни через неделю, ни... В общем, когда можно было сдать, было уже поздно. Пришлось отложить поступление на следующий год, а как хотел Володя учиться, сколько ночей провалялся после работы за учебниками, готовился к экзаменам. Он мечтал поступить на журфак и имел на это много прав — всевозможный конкурс «Проходной балл» дал ему звание лауреата за одну из лучших работ на конкурсе десятиклассников, но река...

Пока я прихожу к себе после ответа, пока рассматриваю в зеркале авторф преподавателя, дверь аудитории открылась и из нее показалась радостная физиономия «Старика». Шутливое прозвище «Старик» Валерке Счастью дали не за то, что он старше других, и не потому, что он староста нашей группы. Валерий, пожалуй, самый дисциплинированный из нас: он всегда собран, опрятен, никогда не сутулится. У Валеры на все хватает времени: он и за посещаемостью проследит, неуспевающего в ту же минуту одеревит и сам учить «дай бог каждому». Только не воулыжайте, что он суровый дубрила, нет. Нан Валера — отличник малый: всеобщий мастер на все руки — он и фотограф, и художник, и электрик, может сам собрать радиоприемник, починить магнитофон, уметь даже трактор водить. Он объездил почти всю Россию, много видел, служил на границе. Он по-настоящему взрослый, самостоятельный человек, типичный представитель студенчества, с которого инстинктивно нужно брать пример.

Я не уложу с факультета сразу после экзамена. Когда у самого все позади, очень интересно наблюдать за теми, кому еще предстоит отвечать.

Вот Саша Левкин — самый веселый парень в группе. На любой случай жизни у него находится шутка. Правда, сейчас он молчалив. Во время семестра Саша рассуждал примерно так: «Не помню сегодня, как пошутил Валера. Что изменилось? В конце концов учиться никогда не поздно! Забыл он только о том, что лекцию, которую читал вчера, не будут повторять сегодня. Вплате возможно и то, что Саша сейчас подумал о последнем комсомольском собрании. Как там было жарко! Что и говорит, язык у нашего комсорга курса Саша

ЗДЕСЬ МОЖНО ПОДУМАТЬ, ПЕРЕБРОСИТЬСЯ СЛОВОМ С ТОВАРИЩЕМ, УСЛЫШАТЬ ПОСЛЕДнюю НОВОСТЬ.

УЖЕ ОТКРЫТА «ЗАЧЕТКА». ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕНТИРУЕТ ОТВЕТ.

ТАК БЫВАЕТ, ЕСЛИ В ЭКЗАМЕНАЦИОННОМ ВПЕЧАТЕНИИ ОКАЗЫВАЮТСЯ «НЕЗНАКОМЫЕ» СЛОВА...

ЗАЧЕТНОЕ ИНТЕРВЬЮ.

Егоркина от какой острый. Отстающим и недисциплинированным тогда здорово досталось, хотя о Славе не упоминали на собрании, он хорошенько «наматал на ус» то, о чем говорил, и сумел все-таки рационально использовать время, оставшееся до сессии.

Да, чувство времени особенно важно для студентов. Время нужно беречь, как зачетку или конспекты.

На мой взгляд, целеустремленность — самое важное качество студента. Жакоко, а порой просто неприятно смотреть на тех ребят, которые учатся и не знают, для чего они это делают, не представляют себе будущей своей работы. Все эти курсы так же живут, надеясь на авось: «Авось, распределит куда-нибудь, авось, ступа кем-нибудь, авось, куда-нибудь устроюсь». Но я думаю, так же скоро перевернется!

А между тем экзамен кончился. Сегодня без потерь — все сдали. Здорово! Теперь можно всем вместе пойти в кино.

Два часа отдыха, и вот мы опять на факультете — в шесть часов начинается консультация.

Коммунистическая аудитория. Мы входим в все, как может быть, много лет назад входили Лермонтов, Белинский, Гоголь, мы садимся на те места, которые, быть может, раньше они занимали. Мы гордимся тем, что у нас такие предшественники, что учились в МГУ, и мы, конечно, стараемся не ронять марку дедомосовов.

Опираюсь на плечико, в аудитории сидит Эдуард Григорьевич Бабас — наш любимый лектор. На лекциях по русской литературе отсутствующих не было, как не было и занимающихся исторических делами, а звонок, звонящий на перемену, мы просто игнорировали.

Консультация кончилась. «Всего хорошего. Надеюсь, ваша встреча на экзамене доставит обоим сторонам удовольствие», — говорит преподаватель, и на его лице появляется мягкая, добрая улыбка, он, очевидно, доволен сегодняшним делом, а это главное.

Вот бы мне научиться делать свое дело так, как делает его Эдуард Григорьевич.

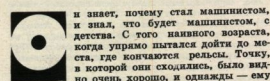
Чтобы всегда была удовлетворенность от выполняемой работы, чтобы каждый день хотелось сделать что-то новое, вечно никем не сделанное, когда работа для тебя вечный поиск, творчество, в которое ты вкладываешь всю свою душу, которому отдаешься до конца. Такому счастию каждый поведает, каждый о нем скажет: «Вот это человек с большой буквы!»

Поэтому я хочу дать один совет будущим абитуриентам. Ребята, подумайте хорошенько: готовы ли вы нести всемогущее знание студента, если да, то правильно ли вы выбрали институт, на что опирались, когда делали выбор? На маленький конкурс, некий проходной балл или на свое решение, говорившее, что без этой профессии не прожить, что она прекрасна?

Всегда трудно сделать первый шаг, но очень нужно сделать его правильно...

Через четыре года и опять буду подниматься по старой, более чем двухсотлетней лестнице, и каждый шаг будет приближать меня к я трамфу, кал...

Нет! Нужно без «кал».

и знает, почему стал машинистом, и знал, что будет машинистом, с детства. С того наивного возраста, когда упорно пытаюсь дойти до места, где кончается рельсы. Точку, в которой они сходятся, вижу — ему очень хорошо, и однажды — ему было шесть лет — он пропал, спотыкаясь о шпалы, пять километров до соседней станции. Но ды, заводная точка на линии горизонта была по-прежнему далека. И тогда мальчик понял, что пешком туда не доберется...

Спустя тридцать четыре года мы сидим с Владимиром Васильевичем в кабине его электровоза. За нами многосекционный дом на колесах, и вагоны — образные в смысле добрососедства коммунальные квартиры. У каждой, как водится, свой номер и еще трафаретная — скупое обещание предстоящего путешествия. Москва — Владивосток, Владивосток, Комсомольск, Хабаровск...

А пока за окнами электровоза ЧСЗ подмосковные платформы. Они все как одна, их названий едва различимы при стокилометровой скорости. Но поодаль медленно отстает от нас деревня и городки — со своими географическими, архитектурными, историческими притяжательностями. Чужое, неузнанное, все это теряется у горизонта, будто вовсе тут ничего нет, один только лес да поля.

Так бывает, когда я (я и вы, вероятно) еду обычным пассажиром. Но сейчас слышу голос Резникова:

— ...Игара. Странное имя для русской деревни, верно? Так была сына полкового хана. Он был заложником русского князя. С ним, между прочим, связана одна любовная история...

Промелькнет следующая платформа, и начнется другая, не менее любовная история. Или просто: откуда вылезло название станции, какие события — древние и новейшего времени — оставили тут след, и какой высоты та колокольня (не купол едва виден над вершинами дальнего леса), в вот эти и вправо Дикловина, прямо Шапская башня, этот ее наклон какой-то; а там — видите, какой симпатичный! — поселок, заново отстроенный после войны на месте сожженной деревни, и почти он имя солдата, сложившего голову на этой земле...

Что-нибудь да добавит Резников к тому, что видит глаза. Будто самолично исходил все эти места — все разумная, все законная.

— Знаете, Владимир Васильевич, мне вспомнился голговетский совет: «Нужно преодолеть по России». Писатель говорил: «Велико название России поперек России... Город да вынет города, человек да человека». Вероятно, много было бы ради преодолеть. Но не у каждого и не всегда имеется такая возможность. Даже у вас.

— Это правдиво. Но бывают другие, тоже полезные путешествия. Есть ведь книги, есть люди, которые могут многое рассказать.

Конечно, а обязательно пойдешь воздухом Сибири, и Дальнего Востока, и других мест, в которых мне не был. В очередной отпуск, например, хочу махнуть в Магадан. Но, с другой стороны, можно совершить и двадцать кругосветных путешествий, а остаться невежественным, оравленным человеком. Ничего не узнать в дальние края, не узнав толком, а стало бы, и считаю, не люблю по-настоящему родных мест. Хочется сказать им: «Поднимите голову! Вглядитесь в то, что вас окружает, изучайте, пытайтесь смысл в простейших вещах! И жить будет интереснее, и столько новой красоты найдете, и многое станет понятней, значительней».

В конце концов главное разве в том, чтобы перемещаться в пространстве? Буда важнее перемещаться в самом себе. Чтобы не остановиться навсегда у какой-нибудь станции.

— Перемещаться в самом себе, сказали мы. Двигаться по пути преодоления собственной ограниченности. Это есть путь маршута, кто не хочет даже осознавать такую необходимость, кто не хочет да и не может иначе. И потому он в движении. А начинается оно с первого толчка. Каков же, по-вашему, «стартовый заряд»?

— Чаще всего это дает работа, которую любишь, или просто занятие по душе. Тогда возникает стремление расширить, углубить, спланировать знания. Вот здесь и появляются очевидными «стартовые заряды». Иначе говоря, появляются то, без чего, но на мой взгляд, не может быть результативного познания. Это прежде всего эмоциональное восприятие знаний.

— Что значит эмоциональное?

— Человек получает удовольствие, даже наслаждение от самого процесса познания.

— Ну, это, наверное, не всегда обязательно. По крайней мере бывает, что на первых порах достаточно четкого понимания необходимости тех или иных знаний...

— Коль нет осмысленного отношения и тому, с чем телесно сталкивается, в лучшем случае он окажется сведущим, но не востановит знакомых. Скажи и вышесказанное между электровозом и контактной сетью, и амперметр, как и другие приборы в кабине, может вдруг оказаться под высоким напряжением. Вот почему, прежде чем браться за него, нужно опустить контактные токи, то есть обесточить электровоз.

Он очень хотел быть машинистом, тот парень, но не ко всему, что учил, относился вдумчиво. Есть, знаете, такие, кто учится, лишь бы экзамены сдать, без глубокого проникновения, скрежем, в смысле электрических и физических процессов, происходящих в электрической цепи locomotiva. На что такой специалист способен? Есть у него и свой машинист, фамилия называется будет. Какое случалось у него несправство, из-за которой пришлось полчасика простоять. И пассажиры ждали, пока машинист, наудачу вывернется в схеме, наткнувшись на нелучший перегоревший предохранитель. И вот

Рабочая трибуна «Смены»

С Героем Социалистического Труда

Владимиром Васильевичем РЕЗНИКОВЫМ

машинистом депо Москва-3,

беседует

журналист Владимир ГРУДСКИЙ

ной пример. У машиниста Перухина чуть не пол-электровоза валило из стержня. Так или в дорожных двигателях, обходя сгоревшие контакты, сумел проехать совершенно немилымую схему и привез поезд. Что это — озорание, наглость? И считаю, что знания, если они восприняты не как механические, как бы откладываются в некие тайники памяти. И в каждую минуту всегда приходит на выручку. Даже если и опыта особого нет. У Перухина ведь прежде не случилось ничего подобного, и в порядке «реакции» от такого маршута не разбирая. Но в решительную минуту быстро нашлась.

— Видимо, это не просто основанная на знаниях быстрота технического мышления, так сказать, реактивная смекалка. Это — настоящее творчество. И оно базируется на широкой, в данном случае профессиональной эрудиции. Без творчества — большого или малого — нет, на верное, профессий. Любой новый прием, дающий работу более рациональную, малейшее усовершенствование на рабочем месте — это уже творчество. А упорядоченную профессиональную эрудицию дает преимущественно учебное заведение. Конечно, наилучшим образовательным фундаментом для машиниста, учитывая современный уровень развития локомотивной тяги, является техникум?

— Двадцать лет назад машинист с дипломом техника был редкостью. Сейчас таких, пожалуй, больше половины. А вот с высшим образованием, по-моему, и нет никого. Пока так: поступил машинист в вечерний или заочный институт, считай, что он без пяти минут «специалист», а кончал вечернюю школу, пошел в институт. Хотели стать инженерами. Меня это не тянуло никогда. Мне хотелось быть хорошим машинистом. И когда я учился в техникуме, все время думал, а может быть больше, чем дает учебная программа. Собрал дома приличную библиотеку: книги, справочники, газеты, журналы, американскую и другую информацию по профессии. Работал и в библиотеку ходил, а к моему удивлению. Вот сын мой младший меня подкупал. Сдал этот драгоценный капитал в макулатуру. Думал, что это старая макулатура. В школе его похвалили, а мне хоть плачь. Право-таки конфликт отцов и детей. Правда, мы его вскоре урегулировали. Решил стать машинистом, Вася сам теперь не упустит интересного материала. Его-то полагали, чтобы водить поезд, как раз может понадобиться высшее образование.

Наша беседа с Владимиром Васильевичем проходила в два приема. Сначала в кабине электровоза, потом — у него дома. В уютной комнате мебелированной в советском стиле, то есть здесь рабочие место Резникова аккуратно прибраный письменный стол, два книжных шкафа с нетолсто прикрытыми от выпирающих книг дверцами. Хозяин пошел за чашкой чая с одесскими коржиками («Советский Союз. Географическое описание» в 22 томах) и, достав какую-то пачку, вывел из нее номер «Гудка» от 13 октября 1964 года. Накажу впервые в мире был совершен запуск трехместного космического корабля «Восход». В газете помещен снимок передового машиниста Резникова и его комментарий к этому событию. «Дорогой! В космосе летать выгод! Если наши учителя, инженеры, рабочие, побудь и дальше такими темпами, то скоро полетят даже космические поезда. Вот бы повести такую поезд!» В этом путевом пожелании своя большая правда. Наступает космический век и на транспорте. В ближайшие десятилетия, по свидетельству ученых-прогнозистов, мы будем ездить в поездах с реакторами, на воздушной подушке со скоростью до трехсот километров в час. Где там останется на посредной изобретательской методе для машиниста-человека? Вот-вот, кстати, в кабинах локомотивов появятся автомашинисты.

работник. Человек своей общественной работой осуществляет политику партии в разных отраслях нашей жизни. Точно так же каждый человек должен быть космополитическим работником.

Машинистом и быть не перестает, пока позволяет здоровье. Однако учеба в ВПШ нужна мне не только ради общего развития, а ведь идея партийного бюро жема, районного комитета партии. Чтобы быть таковым на деле, нужно немало знать.

— «Общее развитие» — холодной термином. Но, пожалуй, неопределенный. Есть так называемые круги, у которых на любой случай жизни припасен десяток дежурных книг, исторические, литературные и прочие параллели. Они по ходу решат самый трудный кроссворд, найдут объяснение всякому факту. Такие люди буквально подавляют своими знаниями. Это про них наслышана фраза: «С тобой скучно, ты все знаешь». Однако личные опцилопатические па раздражают, а не вызывают уважение. Потому что даже том поверхностной информации не заменит листа настоящих, глубоких знаний. А знающего человека, как ты видишь, скромнее, чем ты полагаешь, самый трудный кроссворд. Уже по этому признаку, наверное, можно судить, какова цена «общего развития» человека.

ВПШ? Один товарищ в разговоре спросил у меня, как я понимаю, что такое коммунизм. Ну, я ответил словами, которые десятки раз, не считая размышлений над ними, слышал и читал: «Это высокая сознательность...» и так далее. Он улыбнулся, махнул рукой и, выслушав, по мне интерес. Вы там еще один товарищ, и он сказал: «Не вы мне, что он «Кавказца» не изучал». Вот тут и окончательно понял, что многие существенные, а бы сказал, жизненно важные истины по букварю узнаются нельзя.

— Но по одним лишь учебникам вышшей школы тоже. В речи на III съезде комсомола, которую вы вспоминали, Ленин говорил, что без работы, без борьбы книжное знание коммунизму равно ничему не стоит.

— Да, но ведь работая Владимир Ильич понимал и удивичное, серьезное освоение культуры, созданной всем развитием человечества. В этом помощь института неосвещения. А мы ведь измеряем не только непосредственно получаемыми знаниями, а и тем, что дает навски спонтанно-запрограммированного обучения, самообучения. Также навски очень полезны.

— Тем, кто в них нуждается. Вы назвали антиобщественным поведение человека, который,

— Убежден, что профессия машиниста требует быть не только высокообразованным специалистом, но и широкообразованным человеком. Возможность для этого у нас очень простая. В одной старой книге я прочитал, что в 1899 году Московское и Нижегородское земства поставили на очередь вопрос «даже о всеобщем образовании». Высказывалась робкая надежда, что в недалеком будущем этот вопрос, этот, может быть, будет разрешен и в настоящее время. Как только закончатся все инженерные знания. И первыми машинистам, допущенным к новой технике, оказалась те, кто живет сейчас по привычке «учиться никогда не рано».

— Мне показалось, что «учиться» для вас означает не только приобретение специальных знаний.

— Конечно. По-моему, каждый должен стремиться быть не только высокообразованным специалистом, но и широкообразованным человеком. Возможность для этого у нас очень простая. В одной старой книге я прочитал, что в 1899 году Московское и Нижегородское земства поставили на очередь вопрос «даже о всеобщем образовании». Высказывалась робкая надежда, что в недалеком будущем этот вопрос, этот, может быть, будет разрешен и в настоящее время. Как только закончатся все инженерные знания. И первыми машинистам, допущенным к новой технике, оказалась те, кто живет сейчас по привычке «учиться никогда не рано».

— Ваши товарищи не восприняли учебу в ВПШ, то есть учебу не по специальности, как свидетельство имени профессии машиниста?

— Были также предложены. Раньше были, даже их нет. Понимаете, я считаю, что любой коммунист уже в какой-то мере партийный

— Это верно. Но вполне нескромно считают искренне желание подтянуться, чем, что касается человека, так ты видишь, скромнее, чем ты полагаешь, самый трудный кроссворд. Если человек держит такой клад при себе, это антиобщественно.

— Иначе говоря, вы за констатацию знания. Тот эмоциональный заряд, то неравнодушие, с которым мы смотрим на мир, должны сохраняться в нас всегда.

— Непременно. Кстати, только так мы можем противостоять констатации невежеству. Вы наверняка замечали: невежды часто мнят себя всезнающими, самыми умными. Если тако не осадит вовремя, наломает дров...

Одним из «таким» был покойный уже помощник машиниста, с которым как-то пришлось ездить Резникову. Он сидел тихо в стеногазете, был активным работником «Гудка» и кичился этим, в беседах с ним Резников поучал более молодого машиниста, как надо жить. Его, конечно, недолюбливали и едрили с ним неохотно. И вот однажды Резников впервые в жизни написал рапорт на помощника. Нужно было срочно устранить недостатки в управлении электровозом, но Резников не смог оказать элементарной помощи. Администрация отслесаря к рапорту серьезно. Помощник был проклянут и провалился по всем статьям. Замечал: невежда часто мнят себя всезнающими, самыми умными. Если тако не осадит вовремя, наломает дров...

— И она наносит огромный ущерб работе. Я был делегатом XXIV съезда партии и голосовал за Резникова по Отчетному докладу Центрального Комитета, о чем вы знаете. Братец Резников — это такая важная задача партии, как формирование у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения, высших идейно-политических качеств. Конечно, эти цели трудно достичь, если иметь дело с людьми, мыслящими упрямцею. Поэтому столь огромное значение придается у нас всем формам учебы, в том числе системе политического образования, действующей в нашей стране. Главная задача этой системы в том, чтобы до глубин сознания довести основные положения марксистско-ленинской теории.

Знаете, что было последним толчком, заставившим меня в сорок лет держать экзамены в

видел солидным запасом знаний, не делится ими с кем. Крайне, стало быть, антиобщественным, кто так себя ведет. Выбирать на скорую руку собственного невежества. Хотя бы он был, скажем, отменным машинистом и уже этим принесил какую-то пользу обществу.

— Нашему обществу этого мало. От каждого из своих членов оно ждет гораздо большего, чем результат его рабочего дня. Нам нужны личности, которые друг с другом и с обществом в целом совершают настоящий обмен духовными ценностями, знаниями, разумным опытом. Личности, берущие у общества и дающие ему. Прогрессивные в общечеловеческой культуре не только учат и развивают окружающих, но также стимулируют творческую фантазию, но и нравственно освежает, делает зрелыми такие черты личности, как любовь к своей стране, верная реакция на несправедливость, истинное отношение к неведению, словом — социальная активность.

— Скажите, Владимир Васильевич, а ваша занятость — сменная работа, учеба, общественные дела — не мешает осуществлять вашу программу познания?

— Иногда я в шутку говорю, что меня для себя не хватает. Но, забрав время, общественная работа дает компенсацию, и какую! При этом, конечно, собираешь материал для учебы: чем больше даю, тем больше получаю. Не только моральное удовлетворение. Приходится часто выступать перед людьми, участвовать в районных районах, а это заставляет думать. Это новые встречи, новые знакомства, новый интересный материал для размышлений. Былае, узнаю людей, чьи фотографии видел на районной Доске почета. Присматриваюсь, интересуюсь, как же они, почему назвали думками. Готовясь к выступлениям, прорабатываю много литературы, непроизвольно, подходящей к случаю, — это один, перерабатывающий урок. По поручению райкома я был на призыве в армию. Это новое, интуитивно узнаю свой Соколинский район — чем живет, как работает. В общем, программа познания не сокращается, а расширяется...

Еще раз обратится к строчкам Ильича: «Если коммунист худым был хвататься коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не проводя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разбираясь в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печальным».

Потом пришло прозрение. Не сразу. Классическая формула три плюс один нуждалась в расшифровке. Три года мы работаем на Хортяна, год ковыряемся с собственной диссертацией, затем наступают следующие три года. Но даже эту кабану можно было терпеть. Три года научной работы, они вряд ли пройдут бесследно. Очевидная беда скрывалась в другом. Однажды, была уже поздняя осень, Хортяни

застел в лаборатории Виктор Якимов. Виктор готовил научную статью о влиянии низких температур на органические смолы. У этого парня была на редкость светлая голова. Хортяни выслушал сбивчивый рассказ Якимова, двумя пальцами поднял испаванные листки и голосом вкрадчивым, от которого становилось жутковато, заметил: «Вы плохо знаете арифметику, мой друг... Три плюс один никогда не равнялось трем...»

— Я думал... я полагаю... Это не противоречит вашей теме.

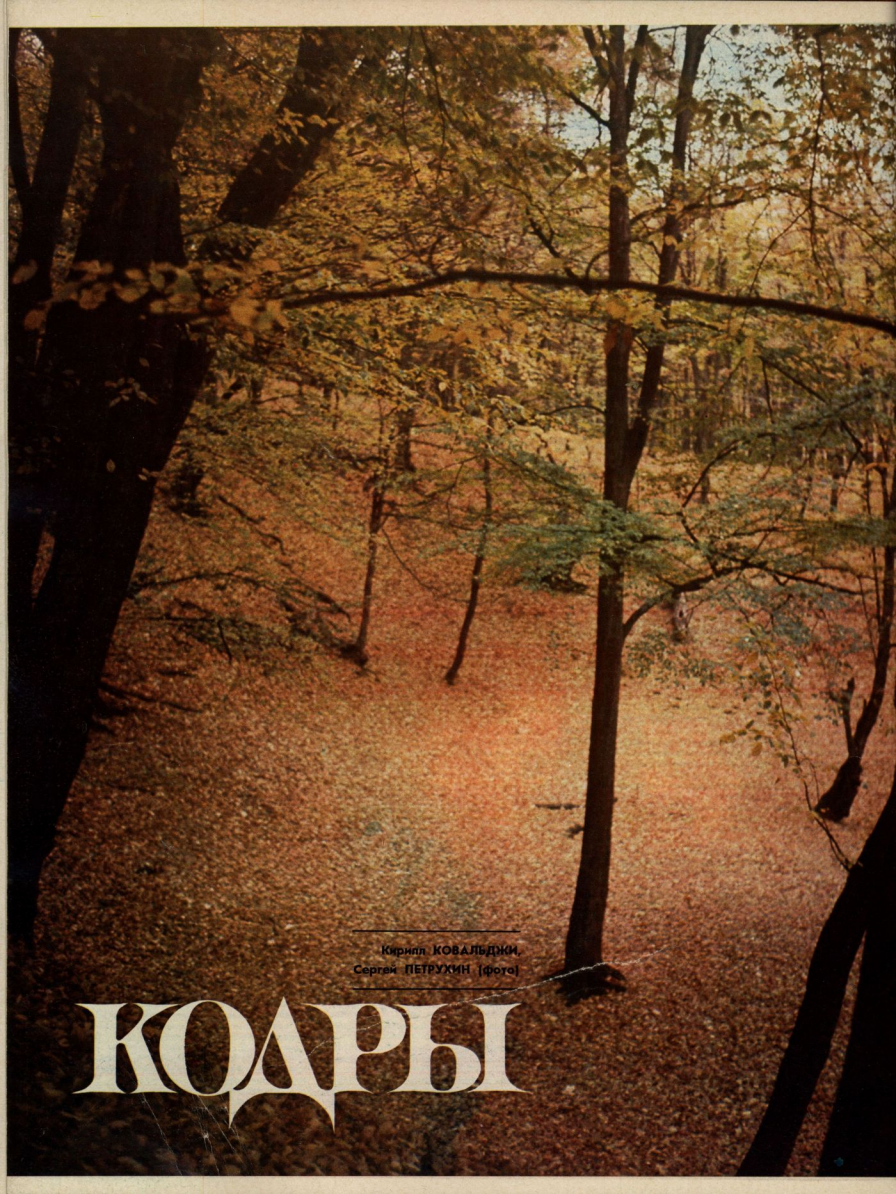
— Возможно,— перебил Хортяни,— но это противоречит моим принципам.

Прошел месяц, и Хортяни во всеуслышание закричал:

— Нам надо быть требовательнее к себе, коллеги. Кто-то упрекает меня за резкость. Допускаю, я резок. Но истина, коллеги, превыше все-

НОМТОРОДЕ

Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Сергей ПЕТРУХИН [фото]

КОДРЫ

Нискуство толкует слова лучше любых словарей. Оно владеет, так сказать, методом живой пересадки из почвы в почву. Поэтому не удивительно, что слово «дойна» вошло в общесоюзный обиход благодаря «Дойне», то есть знаменитому молдавскому ансамблю, донесшему до тысяч и тысяч сердец неповторимое своеобразие народной песни...

Поэтому москвичи увидели сначала театральную афишу «Наса маре» и услышали от друзей-знакомых, что обязательно надо посмотреть эту драму Иона Друзэ. Потом им открылся и смысл самого названия пьесы...

Лет десять назад прошел по экранам фильм «Атаман Кодры». В переводе на русский язык несколькими из-

даниями вышел роман И. К. Чобану «Кодры», а с недавних пор в иносках «Союзпечати» появился литературный журнал «Кодры», выпускающийся в Кишиневе.

Как понять это слово! Почему и оно не переводится!

Спросите об этом у молдаванина — он обязательно помедлит, глядя на вас и как бы взвешивая, расположен ли вы к обстоятельному разговору или не очень.

Если вы торопитесь, то «кодры» — это лес.

Только и всего! Значит, переводится!

Но постойте, «пэздурэ» — тоже лес. Синонимы! В толковом деле, что нет. Пэздурэ — лес вообще, он может зеленеть где угодно, в любой стране, а кодры — только в Молдавии, это именно молдавский лес и никаким другим. А что значит молдавский

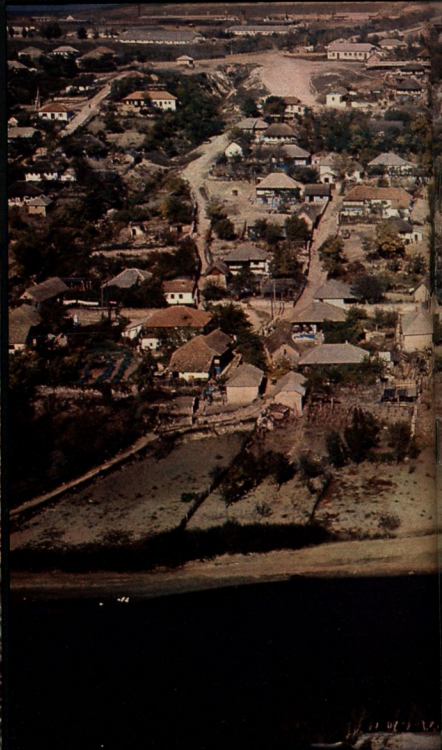
Красота
родной земли

ЕЕ РОДИНА — КОДРЫ.

ГЕОМЕТРИЯ ХОДМОВ.

ТИХИЙ ПОДЕНЬ, ГОЛУБЫЕ ДАЛИ.

ИЗНЕЖЯСНИМА ПРЕДЕЛЬ ПИ...

лучаешь из рук в руки свободу и право на будущее...

От, как нелегко и непросто: уже на следующее лето ребята моего поколения постаревшими глазами глядели на закопченные руины, на застывшие в странных позах трупы своих близких и родных, на черные крылья со свастикой в небе.

Еще три года — они были длинной десятилетий! — пока опять сивозы гарь и дым разгладели им солдат со звездами на нашивках. Радость была, пожалуй, глубже, чем в сороковом, но рядом стояла горе: неостывшие могилы, черная разруха.

Ням было лет по пятнадцать, когда кончилась сонна. Мы уже не думали, что мир и право на будущее — это подарок. Мы, дети военных лет, заплакали за это отцам и братьям.

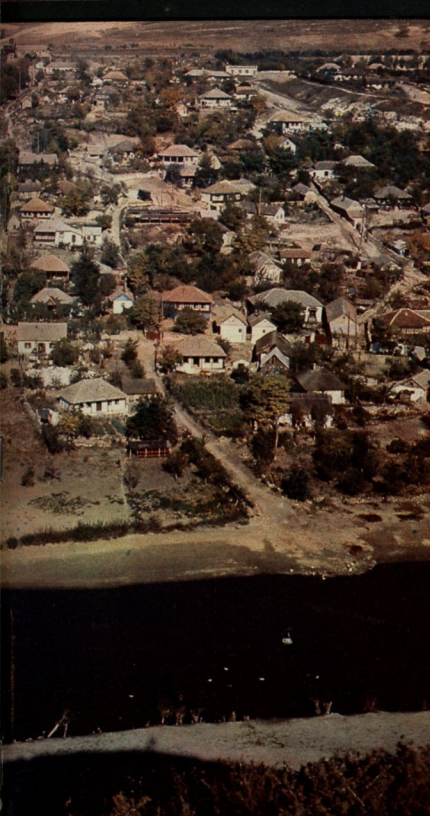
Мы знаем, что и сейчас, во второй половине двадцатого века, время тревожное и непросто, оно потребует от нас напряжения ума и воли, придется испытать перегрузки не только в полетах на иные планеты,

но чаще всего здесь, на земле. Следующие поколения вступают в жизнь в счастливую пору. Они с рождения получают Родину от Прута до Тихого океана. Однако, завидя им, не прибудемся. Что будет — зависит от нас, что было — при нас.

*вместе с краем родным,
где с дубами и грабами
непреклонные вьются буки...
Обнимают мою Бессарабию
две реки —
две руки —
материнские руки.*

*Я без усталости молодой,
мне легко и просторно,
мне беда — не беда
на отцовской земле,
где над жизнью, над памятью
материнские руки простерты
и в разлуке покоем
протянуты межко мне.*

А как же Котры! Не слишком ли далеко уехали нас от них коучи ассоциация! Поналук, далеко. И все равни-

СРЕДНИЕ ДЕРЕВНЯ И ПОСЕЛКОВ.

ЩЕДРОСТЬ ВОЗДЕЛАННОЙ ЗЕМЛИ.

но остается ощущение, что успел набросать лишь вступление к Кодрам, что много-многого еще не сказал — хоть сидеть и писать роман или поэму... Или просто-напросто бери и агитируй читателя не откладывая в долгий ящик отправиться в Молдавию и самолично упрочить пути продолжения знакомства, пути зарождения сердечной дружбы, взаимопонимания и любви. Как раз и лето на дворе, оживилась все туристские тропы республики. Кодры, названные когда-то Дочучавами «Бессарабской Швейцарией», гостеприимно встретят вас, им дано великое умение смягчать жару и зной, радовать глаз нетощимым разнообразием.

Вы встретитесь с людьми сегодняшнего дня Молдавии, виноградарями и танцорами, садоводами и поэтессами, труменниками, прославивших колхозов с красноречивыми именами — «Ваца ноуэ» («Новая жизнь»), «Бирунца» («Победа»). Вы увидите совет-завод Мирчево с многометровыми подавими-хранилища-

ми — подземную столицу молдавских шампанских вин, и украшение Кодро-рощи греческого ореха, царя плодовых деревьев Молдавии, и Копрянский монастырь, возведенный, по преданию, на том месте, где Стефан Великий разгромил полчища турок, и современная санаторий «Молдова», и знаменитый совхоз-училище виноградоводства и виноделия Гратешты, обладателя многих международных золотых призов — и возле села Старые Редены обелиск в память умершего здесь русского полководца Потемкина-Таврического, и бесконечные шпалеры новиз виноградинок, лишь садов, молодые посадки, и любовно огражденный в Кожушанском лесничестве дуб, которому перевалило за 250 лет...

Поспеште у его подножия, вслушайтесь в шепот его листьев — он рассказывает вам о биле, о нынешнем и о будущем: ему далеко видно, и он нырнет долго еще красоваться под ярким солнцем, стараясь обить всю любимую землю...

Литературный анонс

Иван ЕФРЕМОВ

ОТ АВТОРА.

Роман «Танс Афинская» основан на известном по античным источникам историческом эпизоде: сожжении Персеполса знаменитой афинской гетерой, чужестранной в походе Александра Македонского.

Выбор эпохи для настоящего романа сделан не случайно. Меня интересовало время Александра Македонского, как переломный момент истории, переход от саиреного национализма пятого-четвертого веков до нашей эры к более широкому взгляду на мир и людей, первым проявлением общечеловеческой морали, появившихся в третьем веке со столпами и Зеноном.

В то время человек по месту своего рождения или постоянного жительства получал как бы второе имя: афинянин, богиет, спартаец. Поэтому в романе читатель будет часто сталкиваться с подобными полуименами. Мне представлялось интересным показать древнейшие религиозные культы — остатки матриархата, связанные с великой женской богиней, которые исчезают, точнее, теряют заметное влияние в эпоху эллинизма.

Поэтому главное действующее лицо должно было быть женщиной, допущенной к тайным обрядам женских богesses и, разумеется, достаточно образованной, чтобы, не страдая ужас религиозным фанатизмом, понимать происходящее.

В эпоху Александра такой женщиной могла быть только гетера высшего класса. Танс, как реальная историческая личность, как нельзя лучше подходит для этой цели. Гетеры, особенно афинские, были женщинами выдающегося образования и способностей, достойными подругами величайших умов и деятелей искусства того времени. Само слово «гетера» означает «подруга», «товарищ».

Плохую услугу гетерам оказал Луклан Самосатский, предвещавший пошлостью осмеяно юные древние обычаи и выставивший гетер как вульгарных блудниц, а Афродиту — большой разврата. К сожалению, эта традиция побуждала себе жителям последователям на века вперед.

Современному читателю может показаться чрезмерным изобилие храмов, статуй, преувеличенным значение художников и поэтов... Следует знать, что вся духовная жизнь того времени вращалась вокруг искусства и поэзии, в меньшей степени философии. Эллины не мог представить себе жизни без любовных поделок и живомерно предавали искусство, созидавшие прекрасных построек для эстетической разрядки и отдыха. Нечто похожее мы видим в современной Японии: созерцание камней, цветов, самолюбленные сликние с природой в чайных домиках над лотосовыми прудами...

Еще большее значение имело для эллина созерцание человеческой красоты, прежде всего — в живых людях, а не только в статуях, картинах и фресках. Очень много времени они посвящали своим атлетам, гетерам, танцовщицам. Значение художников, как ювелистителей красоты, и их жилых моделей было огромно и не имело аналогий в последующих временах и странах, за исключением Индии, в первом тысячелетии нашей эры.

Полностью роман «Танс Афинская» подготовлен и печати в журнале «Молодая гвардия».

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Александр позвал на пир, кроме своих друзей-военачальников, избранных друзей, историков и философов, еще восемь человек высшей персидской знати.

Странным образом, никого из женщин, кроме Танс, не пригласил сюда, в тронный зал Ксеркса, где за столом собралось все командование победоносной армии. Платформа с громадами белых дворцов чернела обрывом в тридцать локтей высоты под звездами ранней южной ночи. Сквозь зубчатое ограждение террасы пробивались широкие лучи света от плясавших в бронзовых котлах языков пламени горящего мяса.

Поднимаясь по широкой белой лестнице в сто ступеней, Танс чувствовала, как нарастает в ней смешанное с тоской лихое возбуждение, точно перед выходом в священном танце. Она увидела стену восточных гор в отсвете звездного безлунного неба. Словно завеса разорвалась перед ее мысленным взором. Она перенеслась в напоенную золотом солнца и сосен Элладу, услышала журчание и плеск чистых ручьев в обрывистых, мшистых ущельях; белые, розовые, бронзовые статуи нагих богинь, богов и героев, яркие краски фресок и картин в пинякоках, жилых домах. Прошла босыми ногами по теплой пыли каменистых тропинок, спускающихся к лазурному морю. Ки-

ДОК
ПЕРСЕПОЛИС

нулась, как в объятия матери в детстве, в волны, несущие к благоуханным пестрым берегам до ласковых венец — девушек моря, спутниц Тетис, до бешеных коней Посейдона, развевающие пенные гривы в шуме ветра и грохоте валов.

— Таис, очнись! — ласково притронулся к ее обнаженному плечу Леонтиск.

Афинянка вернулась на платформу дворцов Персеполса, под сень огромных крылатых быков Керксиса паваном. Вздрогнув, гетера поняла, что простояла здесь несколько минут, пока терпеливые тессалицы рождались и помнили, что все собралось в столпоном зале Керксиса. Таис прошла насквозь принартную постройку с четырьмя колоннами и тремя входами по 25 локтей высоты, минуя каменный настил, с аздаки и дворцом гетера. Она направилась по крайней дорожке снаружи стены к северо-восточной части платформы, где располагались помещения Керксисовых дворцов и сокровищница. Здесь она не боялась, что на ее чистой белой нирде попадет копоть от огромных пылающих чаш. Ночь выдалась тихая, клубы черного дыма аздаки валились вертикально, и сажа не летела по сторонам. Леонтиск пошел направо, по дорожке из плит сверхающего известняка, через не законченный постройкой четырехколонный павильон, на площадке перед тронным залом Керксиса. Широкий портик с шестнадцатю тонкими колоннами также освещался чашами. Тут горел бараний жир, не дававший ни запаха, ни копоти и употреблявшийся персами для свечильников во внутренних помещениях. Таис вошла в мягкий полусвет гигантского зала и остановилась у одной из ста колонн, которые, несмотря на пропорциональную стройность, заполняли зал, как пальмовые столбы росу. Западный угол зала, ярко освещенный и уставленный столами, заполнили шумная толпа слуг и музыкантов, из-за которых Таис не сразу увидела пирующих. Группа девушек-флейтисток расположилась между колоннами. Другие музыканты устроились в конце линии столов, у крайнего ряда колонн, за которыми выдвинулись колыхающиеся свазанок тазелки замаски на высоких трехстворчатых онеис. Таис глубоко вздохнула и, подняв голову, вышла на свет множества лампачионов и факелов, прикрепленных к стенам. Приветственные крики и хлопанье в ладони взорвались бурей, когда хмельные сподвижники Александра увидели афинянку. Она стояла неподвижная несколько минут, как бы предлагая всем полюбозавать без надменного величия, всегда требующего унижения и умаления другого человека. Таис предстала перед пирующими с великолепным чувством внутреннего покоя и достоинства, которое дает возможность не бояться хулы и не преодолевать ситуацию заискусствью.

Гости Александра изобаваны доступностью женщины. Огромное количество пленниц, рабынь, музыкантш-вулетрид, вдов перебитых персов, любого возраста, нации, цвета кожи, на любой вкус неизменно испортили отношение к женщине, как и драгоценности, воспитанные в Элладе и персидском инак-королевстве. Но Таис известная гетера, была куда более искусной, чем все женщины в окружении македонской армии. Перед лампачионами, освещенная насквозь через тончайший хитон, улыбалась, она поправила непокорные волосы и затем неторопливо пошла к подножью трона Керксиса, где восседал великий полководец, ее же походя торжественно и снисходительно называвший собственной гетерой сочеталась с той стройностью лица, которую воспел поэт в гимне о Каллирое. Плавные изгибы струились ее тела и плели движением, как волны источника Каллирон.

У легко воспламеняемых красотою злиное дыхание замшило и глаза следили за каждым шагом Таис. В расцвете неполных двадцати лет, она обладала той древней красотой, которая не имеет возраста.

Персы, никогда не видевшие Таис, сразу поняли, что перед ними — сокровище Эллады, где множество поколений, преданных здоровью и нелегкому труду земледельца на скудных морских побережьях, жила в слиянии с природой, создали великолепный облик человека. Они не знали, что в Таис была примесь еще более древней, тоже здоровой и сильной крови морского Крита, родственников и современников предпринимателя народа Ичиди.

Таис уехала у ног Александра, радом с Птоломеем. Превратный ее появлением пир возобновился. Только что гонец привез донесение, что казна, захваченная в Сузе и Персеполсе, прибыла благополучно. По предварительным подсчетам, в распоряжении Александра оказалось больше ста тысяч талантов. О таком богатстве не могла мечтать вся Эллада. Шестьсот тысяч жителей родной Македонии могли бы быть богатыми на несколько поколений. Если всю эту массу богатства перевезти в страну Эллады, Македония, Иония, то оно обеспечило бы всю сущность и разорило бы всех иущих. Александр решил хранить добычу за семью стенами.

Еще одна радостная весть: критик, разведчик севера, донесил, что Дарно не удалось собрать большого войска. Дев тысяч навионийцев, три-четыре тысячи легкой кавалерии не составили угрозы для прохода в азиатские. Добить врага и покончить с бывшим царем эвраты теперь было сравнительно простой задачей.

И опыненные несчастливыми победами, восхищенные гигантской добычей, множеством рабов просторными лежащей в окрестностях страны, ветераны македонской армии неустанно поднимали чаши, славя великого Александра, хвастя победами, проливая внезапные слезы о погибших товарищах.

А двадцатилетний герой чудовищных сражений, повелевший Египта, Финикии, Сирии, Малой и Великой Азии, пывший саксонский успехом, виною и еще более величавым замыслами, с любовью смотрел на шумных товарищей, положив могучие руки на золотые с синей эмалью подлокотники трона грозного опустошителя Эллады. С беспечной улыбкой, склонившись к Таис, он спросил вполголоса, почему она в простом наряде.

— Разве ты не помнишь? Я только что покороняла...

— Кого? Что ты говоришь?

— Царшу амазонки... свою любовь... — едва слышно добавила афинянка. Александр нахмурился, откинулся на спинку трона. Птоломей подумал, что царь разгневался, и, чтобы перебить разговор, стал громко просить Таис станцевать.

— Здесь негде. Я лучше спою, — ответила гетера.

— Споет, спелет! Таис будет петь! — раздался возмущенный возглас со всех сторон. Шум стих, сильно опыневших соседю утомилонии финикии. Таис азда у музыканта семиструнную гитару с колокольчиками и запела Ударным гекзаметром старинный гимн о персидской войне, о сожженных Афинах и боевой клятве не слушать, ничему, кроме войны, пока подоспел перс: иудей выброшен в море. Простую мелодию Таис пропела в таком темпе-раментом, что многие повскакивали с мест, отбивая ногами такт и раскачивая о колонны ценные чаши. Вскоре весь зал затрепетал бовым напевом иско-

В лучах нежного солнца скульптурная фигура Матери-Грузии над древней крепостью Наринала в Тбилиси наметается серебряной. Сверкает меч в ее опущенной руке — на устрашении врагов. Другой рукой она протыгивает в городу чашу — для друзей, для создателей, для мастеров, которым славится Тбилиси.

— Мы идем и набережной Куры, и Тбилисскому Дому моделей по узким улочкам старого города. За стекляными окнами-витринами трудятся портные, закройщики, обувных два мастера, ювелиры... Наверное, и десятки и сотни лет назад приезжий человек в этом «городе мастеров» воскицало самобытное творчество грузинских умельцев. Но тогда, останавливаясь у лачинки кустаря, он мог увидеть зародки для избранных, моду для элиты. Сегодня в окне каждого зятель, а витрина магазина — новинки для всех. О сегодняшнем Тбилиси можно сказать: это город элитных, чуть отрывающихся на перемены моды людей.

Тбилисский Дом моделей — это своего рода центр хорошего вкуса, который определяет развитие моды в республике на два ближайших года. Здесь трудятся и молодые выпускники Грузинской Академии художества (где вот уже несколько лет как открыт факультет моделирования одежды) и зрелые, опытные мастера.

— Первую апробацию моды-72 художники-модельеры Тбилисского Дома моделей проводили летом 1970 года в Париже, в паролетном зале Порт-дю-Версаль. Ортели, а в их числе были и такие крупные художники

французской моды, как Жан Эстеро и Ги Ля Рошш, аллюдиентами встретили коллекцию грузинских мастеров, сумевших в современных моделях подчеркнуть национальную традицию грузинского костюма. А сегодня эти модели, которые показывает нам Лели Хаденладе, главный художественный руководитель Дома моделей, стали модной продукцией специализированных швейных фабрик.

Что же предложили художники молодежи Грузии летом 1972 года? — Сейчас самый популярный стиль, одежды-спортивный, — рассказывает Лели Сергеевна, показывая серию принятых промышленностью и торговой удлиненных жилетов из набивного трикотажа, которые носят в сочетании с юбками, брюками, а также поверх «маленьких» однотонных платяк из шелка, креплена, тонкой шерсти. Особенно популярны брючные ансамбли. Поэтому в Тбилисском Доме моделей эта тема разрабатывается для каждого нового сезона. И ленту, например, предлагаются красочные ансамбли из однотонных брюк и многоцветных шелковых туник. В гамме модных расцветок преобладают белые, синие, красные и даже черные тона (в Грузии, как и вообще на юге, очень любят черный цвет).

Одна из наиболее интересных новинок грузинских модельеров — молодежный гардероб из спилка, мягкого, хорошо сохраняющего форму материала, внешне не отличающегося от замши. Гардероб из спилка весьма разнообразен: летние пальто, украшенные шугуром из цветной шерсти, длинные жилеты,

ПРЕДЛАГАЮТ ТЫЛИСИ И БАКУ

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРИННОЙ
ДЖИГИТКИ.

МОДА В ЗАВОДСКИХ ЦЕХАХ.

БРЮЧНЫЙ КОСТЮМ
«ПО-БАКИНСКИ»:
КРОЕ И АРОДНОГО «ДОНА»
В СОВРЕМЕННОЙ
«ПОЛУТРАПЕЦИИ».

ШТРИХ К ВЕЧЕРНЕМУ ТУАЛЕТУ.

ориентированные черной южой и бестяжинный металлесиний украшениями — «шригатами», шорта, коротки тузуруи, ярие сарафаны, отдаленны Бахровой и вышнорой по мотивах национальной одежды.

Развитие моды неразрывно связано с процессом дифференциации стилей. Поэтому, например, одежда для молодежи должна резко отличаться по силуэтам, конструкциям, цвету, а главное, по образу от костюма старших людей. Нужно учитывать еще и то, что юноши и девушки, живущие в больших городах центральной полосы России, Прибалтики, Украины, воспринимают перемены иначе, чем их сверстники в Закавказье или городах Средней Азии, где явно заметнее влияние традиции народного костюма на современную одежду.

Пятнадцать лет назад, в дни VII Международного фестиваля молодежи в Москве, «Смена» рассказала об одном из самых популярных танцоров Грузии — аспиранте грузинского Политехнического института Гезо Бердазе. Сегодня Г. Бердазе, успешно закончивший после написания диссертации еще один — технологический — факультет ГПИ, — директор Тбилисского Дома моды. Его энергия, знания, талант и творчество чувствуются на каждом шагу: начинают ли экспериментировать с новой хлопчатобумажной тканью, которую, по технологии Тбилиси, дублируют на тонком шпателье поролоня, осваивают ли новые машины и иглы для массового производства спортивных ансамблей из спандакса, подбирают ли чепанные рассты и соресерные браслеты для

народных ансамблей из литовской шелковой ткани (перья моды не украшают, кстати сказать, созданы знаменитым художником Гуази, лауреатом Ленинской премии И. Чичаури). У Гезо Бердазе спрашивают совета и художники, и технолог, и наладчик машин... — Сегодня молодежь и подбирает «рациональный гардероб», ориентируется на три модных силуэта, — рассказывает Гезо Бердазе. — В летней коллекции-72 главенствующая роль принадлежит популярнейшему силуэту, который отличает плавная сплюснутая линия, прочерчивающая остроты фигуры. Резкий акцент на талии, юбка заканчивается небольшим расширением. Этот силуэт, как и классический прямой, развивает наиболее рациональные идеи моды-71. Впрочем, не надо думать, что прямой

силуэт не подвержен переменам; сейчас он приближается по форме к полуприлегающему — заметно меньше стал объем юбки, ошугито и прилегание в области плеча. И в любом силуэте новый стиль закладывает себе удлинненной линией, выжиманием моделиера и деталями композиции.

Новинка года — «полутрапеция». Ее «исток» следует искать в том же популярнейшем силуэте, но аудитория, на которую рассчитана «полутрапеция» (с расширением внизу, от линии груди), — молодые стройные женщины. Новинка мягкой линии, как бы примыкающая к спортивности и романтизму, рельефно ощутима в летних пальто и туниках из плотных шелковых и шерстяных тканей, которые хорошо «держат форму».

— Что же касается длины, то в Грузии иногда не пользовались успехом слишком короткие или чересчур длинные юбки: в модели, которые раз в неделю посылают Грузинский центр моды Тбилисцам, продающим торговле и промышленности, — оптимальная длина — за колено (это для тех, кому 30—40 лет), до середины колена или чуть выше — для молодежи.

— В демонстрационном зале начинается показ модной сезона. На повестке дня — «Лето — осень-72».

Бой группа так называемых «демо» платает. Адрес: утренние часы в городе, служба, студенческая аудитория. Народная белая отделка воротника и карманов преобразует знаменитый гладкий репс, летние полупрозрачные ткани в полосу. Мягкие линии, прочерчивающие силуэт. Втачные и накладные карманы. Декоративные юкетины. Покос различной ширины, микроструктурные металлом, имитацией бирюзы, ишми, коралла, — вот оформление в стиле-72 строгих, классических моделей.

Потом на сцену появляются юноши и девушки в спортивных ансамблях для лета. Даже здесь чувствуется, что мода взяла курс на «возросление». В модной модели, будь то брючный ансамбль из гладких, клетчатых, ориентированных тканей, или летние платялалы из шелкового кристалла, или комплекты туник из набивного ситца с хлопчатобумажными браслетами — отсылки к Бакуриани, на Черноморском побережье), — ощущается, что мода мимоволнрантна.

Важная деталь. На потон получает направление только модель, выполненная из материалов, которые есть на фабриках. Если добавить

На IV обл.

вериганных аттических слов. Сам Александр встал с трона, чтобы принять участие в пьесе. С последним призывом всегда помнить о злобе врагов и оссоне брата Мардония Таяс швырнула китару музыкантам и села, прикрыв лицо руками. Александр поднял ее за локоть вровень со своим лицом. Целую Таяс, он сказал, обращаясь к гостям:

— Какую награду придумай прекрасной Таяс!
 — Перебрав друг друга, военачальники стали предлагать разные дары, от чаш с золотом до боевого слона. Таяс подняла руку и громко обратилась к Александру:

— Ты знаешь, я никогда не прошу наград и подарков. Но, если тебе хочется, разреши сказать речь и не гневайся, если она тебе не понравится.

— Речь! Речь! Таяс, речь! — дружно заорали воины. Александр, весело кивнув, выпил неразбавленного вина и снова опустился на трон. Леонтикс и Гефестрон расчистили место на столе, но Таяс отказалась.

— Человек не должен становиться ногами тула, где он ест. Это привычка варваров! Дайте мне скамью!

Услужливые люди моментально тяжелую скамейку, отделанную слоновьей кожей. Таяс вскопала на нее, похлопала в ладоши, призывая к вниманию. Она могла бы и не делать этого. Все взгляды были прикованы к ней.

Таяс начала речь со слов благодарности Александру за приглашение. Плотно сиди и Леонтиксу — за помощь в странствовании и чудесного коня. Этот конь дал ей возможность не только проехать десять тысяч стадий через страны Сирий и Финикии до Вавилона, но и единственной из эллинских женщин совершить молниеносный поход в пять тысяч стадий до Персеполса.

— Этот город, — продолжала Таяс, — сердце и душа Персии. К моему великому удивлению, кроме соворков и роскошных дворцов, здесь нет ни храмов, ни собраний ученых и философов, ни театров, ни гимнасионов. Не созданы статуи и не написаны картины, прославляющие красоту и подвиги в борьбе людей и с божественными героями. Кроме надменных, толстонорых быков — царей, принимающих дары и процессии рабоплетущих и быков,

здесь нет ничего. Чащи кони по сорок лошадей на платформе в тридцать локтей высоты — все это лишь для того, чтобы возвысить владык унижением подданных. Ради этого здесь трудятся неслыханные эллины, иониды, мидонцы и франкийцы, толпу которых мы встретили! Ради этого священный Ксеркс со своим злым старпом принес кровь и смерть в Элладу, дважды сжегил нам родные Афины, увел в плен тысячи и тысячи искусных мастеров нашей страны! Я здесь одна с вами, герои-победители, повергшие в прах преступления, чем поднять руку на создание человеком прекрасное. Но если это служит злой власти! Тогда оно всего лишь обман, ибо нет красоты без добра и света!

Таяс простерла вперед руку, как бы спрашивая весь зал. Воины одобрили и грозно заудель. Герета вдруг выпрямился, как татава.

— Завтра вы уходите на север, оставляя в неприкосновенности обитавшие сокрушенной вами десотии! Неужели я одна ношу в своем сердце позарящие Афины! А мучения пленных эллинов, длащиеся до сих пор, слезы матерей, хотя бы это и было восемьдесят лет назад! Неужели божественный Александр нашел удовольствие усесться на троне разорителя Эллады, будто слуга, забравшийся в покои господина!

Голос афинянки, высокий и звенящий, хлестнул словами, как бичом. Александр вскопил, будто ужаленный. Люди оцепенели. В зале слышались прерывистое дыхание и потрескивание сестельников.

Александр молчал, глядя на Таяс, склонившую голову, как в ожидании удара.

— Что же ты хочешь, афинянка! — спросил царь таким львиным рыком, что закаленные воины вздрогнули.

Вся напряжась в вольем усилии, Таяс еще раз понела великую власть полководца над людьми, магическую силу его голоса и движений, подчинивших беспрекословно толпы людей.

Таяс подняла на Александра огромные горящие глаза и протнула руку.

Александр ЛЕСС

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС И Ф. И. ШАЛЯПИН В ГОСТИХ У А. М. ГОРЬКОГО, Петербург. 1920 год.

Фотография из коллекции А. Л. Лесса.

«Судьба»

Рахманнов показал Шалаянгу только что написанный им роман «Судьба» на стихи Апутина.

— Посмотри, Федор, эту вещь, — сказал Рахманнов, как всегда, смущаясь, когда дело касалось его произведений. — Если понравится, может быть, включишь в свой репертуар...

Шалаянгу несколько раз внимательно просмотрел рукопись, а затем под аккомпанемент Рахманнинова начал петь.

Сергею Васильевичу не понравилась исполнение Шалаянги.

— Нет, Федор, это не моя «Судьба», — сказал он разочарованно и огорченно. — Ты поешь не так, как мне слышалось, когда я писал...

Шалаянгу не обиделся и спокойно ответил:

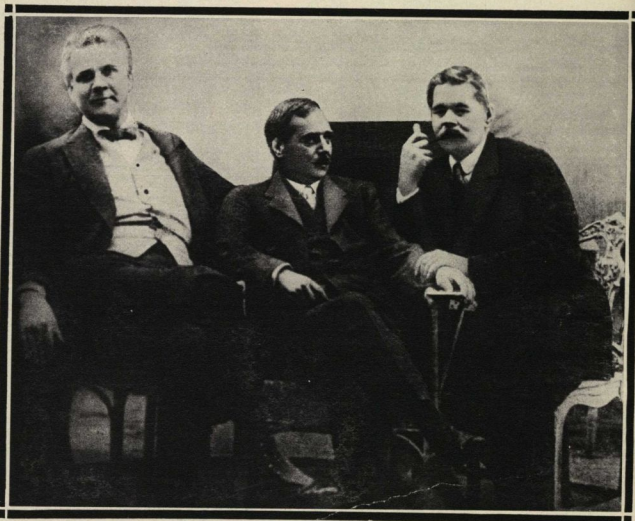
— Ты баловень судьбы, Сергея, и не знаешь, какой иногда беспощадно жестокой бывает судьба... А ведь именно это я хотел передать... Не сказал более ни слова, он вышел из комнаты, оставив Рахманнинова наедине со своими мыслями.

Через несколько минут в комнату снова вошел Шалаянгу. Но это был уже другой человек. Не тихий плачущий затравленный подминок, а угловатой фигуре, в нетеропливых, как бы сквозных движениях чувствовалась какая-то зловещая обреченность. Он медленно прошептал по комнате из конца в конец — жалкий, надломленный, изможденный, с потухшим взором, со следами страдания на бескровном лице.

Несжиданно Шалаянгу «сбросил маску» и подошел к Рахманнинову.

— Вот, по-моему, что такое судьба, — сказал он, — судьба!

Рахманнов влюбленными глазами

взглянул на друга и ничего не ответил. Говорить он не мог: слишком велико было впечатление от этого чуда лицезеяния.

— Бог с тобой, Федор, — после долгой паузы внезапно сказал Рахманнов. — Очевидно, ты прав! Впрочем, с тобой опасно спорить: всегда придумываешь так и в аргументы, против которых и возражать нечего...

И Рахманнов «благословил» Шалаянгу на исполнение «Судьбы».

* * *

Эту историю рассказала мне Ирина Владимировна Ходяева — внучка знаменитого баритона Павла Акинфиевича Ходяева, первого и лучшего

исполнителя партии Онегина, искусство и голос которого высоко ценит Шалаянгу.

Рядовой спектакль

Счастливым случаем свел меня в Ленинграде с Леонидом Васильевичем Эскувиным — братом бывшего управляющего академическими театрами Петрограда и Москвы Ивана Васильевича Эскувиныча.

Едва в переступил порог его комнаты, как сразу же почувствовал предупредительность и гостеприимство, свойственные старым пе-

тербуржцам. Влюбленный в театр, в музыку, в искусство, Леонид Васильевич, живя в одной квартире с братом, был невольным свидетелем многих его встреч с Лунчарским, Направником, Глазуновым, Котсом, Шалаянгиным, Собиновым, и воспоминания об этих встречах живы в нем до сих пор.

На мою просьбу рассказать о каком-либо примечательном эпизоде из жизни Шалаянги Леонид Васильевич в нерешительности сказал:

— Что я могу добавить к тому, что уже сказано и написано об этом великом артисте? Правда, я хорошо знал Шалаянгу, много раз видел его на сцене, наблюдал и в домашней обстановке, когда он приходил в

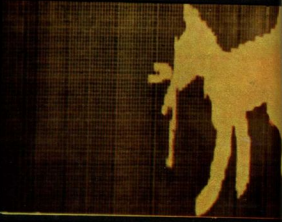
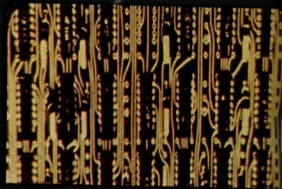

РИСУЕТ КОМПЬЮТЕР

Сергей АБРАМОВ

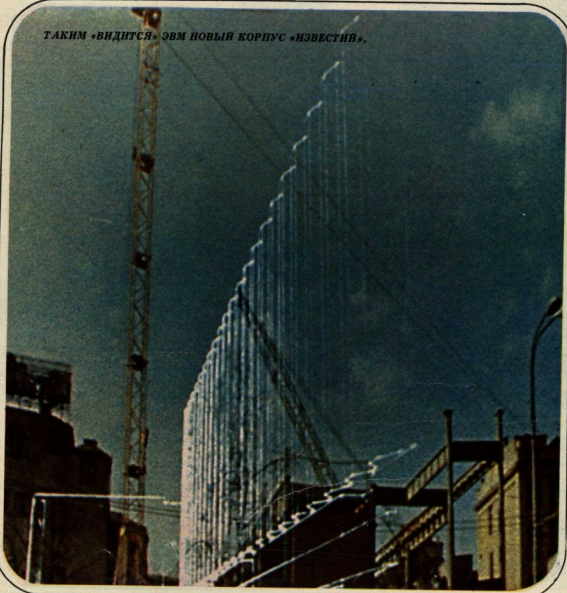

«ПАМЯТЬ» ЭВМ

ФИЛЬМ «КОШЕЧКА». ХУДОЖНИК-МУЛЬТИПЛИКАТОР БЭСМ-4.

ТАКИМ «ВИДИТСЯ» ЭВМ НОВЫЙ КОРПУС «ИЗВЕСТИЯ».

И фильм «Показывает компьютер» не первая работа Бориса.

До этого был так называемая «проба пленки» — проверка умения студента работать с киноплёнкой. Обычно эти учебные пробы просматриваются в институтатории, оцениваются и аккуратно кладутся на полку в архив. Но Борис сумел снять уникальный эксперимент, сделанный на кафедре МИГУ аспирантом Алексеем Чернышом. Это фильм работы доктора биологических наук, лауреата премии имени Ленинского комсомола В. Д. Ильичева. Аспирант изучал одних самых замечательнейших птиц — способность к локации. За эту «пробу пленки» Борис Загряжский был удостоен диплома на фестивале студенческих фильмов...

«Показывает компьютер» — фильм, снятый в цвете и для широкого экрана. Широкого в прямом и переносном смысле. Правой смысловой областью не только данными, но и вымысли к широкоэкранному кинотеатрам. А переносным... Вот об этом стоило поговорить.

Тема фильма (или, если быть точнее, «направление работы») — неограниченные возможности ЭВМ. Вернее, малая часть этих возможностей.

ЭВМ моделирует историю, попутно решая идею машинных мультипликаций.

ЭВМ «доставляет» здание «Известий» на Пушкинской площади, и методы, использованные здесь, позволяют автору моделировать с помощью ЭВМ по условиям будущего города, как бы вочью увидеть проект, существующий пока лишь на паттернских листах.

Вот фильм на телевизоре не только самодеталь-схем, что, по сути, является моделированием процесса мысленного эксперимента. А результат — не длинные [уже привычные...] кинофильмы, а короткие, как кинокадровые, вынесенные прямо на экран. Представьте себе анимационную, получившую зрительное воплощение, модель, которая с каждым изменением в конструкции ЭВМ мгновенно отвечает новым чертёжком с учётом сделанных автором исправлений.

Вот этот фильм ставит острые проблемы, давно стоящие перед наукой: как заменить долгое и сложное программирование, доступное лишь специалисту-математику, непосредственным диалогом экспериментатора и машины! Первые — и, надо сказать, удачные! — попытки были сделаны в Новосибирске. Система «Экран», устроенная в Новосибирском центре Новосибирского академгородка, позволяла вводить в ЭВМ информацию, запечатанную на обыкновенном цифровом перфокарте, и выдавать поправку — прямо на телевизор — специальным световым карандашом.

Система «Экран» — ключ к автоматизированному управлению производством. Машинные эксперименты, в которых участвуют функционеры Загряжского, служат той же — одной из важнейших сейчас — цели.

Две первые работы Бориса Загряжского различны по тематике биология и география. Но зато, он не собирается ограничить себя даже этими двумя — столь разными! — областями науки. Предвзвешенно по наследству от отца, он планирует заниматься «специализироваться», найти свою тему. Но Загряжский уже знает себя: наука, ее предвидит край, ищет свой путь. Он планирует заниматься собой всеми всенародно. В своих фильмах он, режиссер, ставит главному герою Ученую, а у нас превращается в исследователя, даже в любознательного, добродушного. Иными словами, он становится первым зрителем своего — в этом не сыгнута — фильма. И в этом — залог несомненной удачи его работы.

КОМПЬЮТЕР РИСУЕТ «ДЖИКОКОНДУ»...

фильм, «снятый» ЭВМ. Фильм называется «Космос» и продлится... Видно ли минутку? Серия улитка коих появлялась из-за рамки кадра, мягко переставляла ленту, шла на экран, останавливалась, поворачивала ленту вперед и зритель, и — все. Конец фильма.

Пона что лишь самые первые шаги машинных «мультиплектов», да и сама идея фильма родилась позже и появилась в виде моделирования эксперимента был моделирование простых шарнирных механизмов. Ведь кошка в конце концов тот же шарнирный механизм, только живой и агрессивный.

Об этом эксперименте, проведенном на математическом факультете

Московского государственного педагогического института, — фильм «Показывает компьютер». Фильм этот — курсовая работа студента ВГИКа Бориса Загряжского. Следующий этап — диплом. Борис еще только подводит черту, чем у себя, бывает в МГУ чаще, чем у нас в институте: дипломный фильм точно будет научно-популярным.

Да и связь с МГУ не случайная: после армии Борис Загряжский поступил на географ Московского университета, окончил его, работал геологом Камчатской экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста. И когда пришел во ВГИК, не раздумывая: главное — не терять связи с наукой.

как только не называют двадцатый век любители красочной «формы» и «вещи» атомов. И век электроник. И век кибернетики. Выбирай на любой вкус! последние десятилетия объясняется совсем уж мистично: машина может все...

И вы знаете, в этой мистике есть реальная основа. И много. Обобщается роль электронно-вычислительных машин в науку — во всех ее отраслях, в промышленности, в строительстве, в освоении горных, а в искусстве. Недавно мне довелось посмотреть мультипликационный

Без договора

Павел БАГРЯК

Фантастический детектив

— Фреди, давай еще раз обдумаем все сначала.
— О, господи!
— Я не могу тебе запрещать, не могу от тебя требовать, поэтому прошу.

— Если бы я не знал тебя, Дэвид, то решил бы, что ты подосан Дорроном.

— Это близко к истине, но не меняет существа дела. Есть логика, есть здравый смысл...

— Хорошо, давай обдумаем.

Они сидели в небольшой комнате, обставленной вещами, давно вышедшими из моды. Как по ливнем на шее, но этим вещам можно было определить, сколько десятков лет минуло с той поры, когда кончилось благополучие этого дома. Впрочем, делать специальные изыскания не было нужды, так как Шиз, которому принадлежала квартира, был тут же. Он сидел в высоком «троне» кресле, по-королевски уронив голову на грудь, и задумчиво разглядывала торшер из массивного литого серебра. Немногоосновность Шиза, как полагала Гард, могла свидетельствовать либо об ограниченности его ума, либо, наоборот, о его мудрости. Шиз все еще оставался загадкой для комиссара, который так и не понял, почему этому странному человеку пришлось когда-то бросить насильственное предположение, «закалотить» свою маленькую квартиру, закрыть впадине привачное и доходное дело и податься на остров Холостяков, чтобы приобщиться там к мрачной и таинственной «зоне», а затем так же необъяснимо порвать с ней, то есть со своим будущим, и вернуться к прошлому. Массивный торшер выжывала, вероятно, у Шиза какие-то воспоминания, но какие именно, Гард не понимал, поскольку Шиз оборнил вслух лишь несколько слов, давших возможность предполагать все, что угодно. Он сказал: «Наследство жены, черт бы ее побрал!» — и вновь умолк.

К «черту» Шиза Гард уже успел привыкнуть. Конспираторы! Это же смех: перебраться с острова на материк и, не пугая следов, почти на виду у всех, прямым ходом направиться в тустовашную квартиру Шиза! Только абсолютная неаппетитность такого «хода» помешала Гарду (и, вероятно, Доррону) предположить его возможность. Однако Доррон еще может хватиться, надо поразмышлять...

— Таратурга, там все в порядке? — спросила Гард.

Инспектор, который был рядом, оторвался от окна, через которое он наблюдал узкий двор и аллею, ведущую к подъезду дома, и ответил:

— Как у Христа за пазухой, шеф.

— Отлично. Итак, Фреди, предположим, ты продолжишь свои разоблачения, назовешь все фамилии, адреса, даты. Буду невероятный с точки зрения логики вариант: тебе верит, общественность возмущается, правительство вынуждено

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

главное, фамилии действующих лиц, они больше

красна, пытка и покрывался потом.
— Не может быть! — воскликнула он, своим очкам и вновь надевая их на крупный, мистический нос. — Это же... это... Ему не хватало слов, и он потирая рукописью над головой. — Гара, вы меня прости...
— Убавно? — мрачно подсказал комиссар.
— Что? Как вы скажите! Наоборот! — воскликнула лорда Аут. — Вы меня вернули к жизни! Я давно была так долго интервала, и в действительности, если угодно, вы мне дали, мечта о фигуре, генералу Дорону.
— Когда вы были ребенком, дорогой лорд, Дорон еще не был Дороном.
— Ах, вы не понимаете шпозказаний!
— Хорошо. Я рад, что вы рады. Но должен преузнать, вы хотите, чтобы я писал статью. С генералом шутки плохи, и если вы хотите.
— Не хочу! — перебила редактор.
— Но вы не досудали до конца.
— Все равно не хочу! Жить! Сохранить богатство! Обеспечить себя! Не хочу! Знаете, Гара, сколько мне лет! Сколько бы ни дали, будет мало.
— В таком случае давайте подумаем о том, что сделать, чтобы газета с этим материалом нашла читателя, — предложил Гара. — Боюсь, что прежде чем добраться эту статью, к генералу Дорону, сколько мне лет! Сколько бы ни дали, будет мало.
— Н-да... — сказала лорда Аут. — Что же вы предлагаете?
— Гара, это хорошо, что вы позвонили сами, но почему с таким извещением!
— Дело, господин генерал. Собственно, мне нечего было вам сказать, да и сейчас тоже, я просто демонстрирую вам свою дисциплинированность.
— Предложим, комиссар. И все же?
— Мне очень трудно с Честером, но я не терплю надежда.
— Где вы находите?
— В управлении.
— Честер с вами?
— Да, генерал.
— Сколько времени необходимо вам, чтобы дать окончательный ответ?
— ...
— Что вы молчите, Гара?
— Думаю, десять часов, генерал.
— Когда лорда Аут будет позвано. Такой срок мне совершенно не устраивает. Больше того, назначение именно этого срока вселяет в меня некоторые подозрения. Мне нечего вас предупреждать, комиссар, но вы понимаете, что просто ждать я тоже умею. Я лично руководить событиями.
— Хорошо, господин генерал. Восемь часов.
— Не торгуйтесь, комиссар.
— А что хотите вы?
— Вы думаете, генерал?
— Да.
— Я жду.
— Два часа, Гара. И ни минуты больше. Через два часа я вынужден открыть действия. Вы меня позвали!
— Что уж тут не понять, господин генерал. Мне и самому надоело это невнимание. До свидания.
— Если оно состоится...

Полмиссия сидит в машине, которая стояла у главного входа в редакцию «Все наилучшее», приняла телефонogramу, быстро расшрифтовала ее, выйдя из машины, стремительно поднялся на четвертый этаж — в кабинет лорда Аут. «В вашем распоряжении два часа», — прочитал лорд Аут протянутую записку.
— Мы же договаривались о пяти! — с непростительностью, достойной мадеппа, воскликнул редактор, обращаясь к полмисскому. Тот, недоуменно разведя руками, награда лорда Аут такую глупой. Метражики! — зорра влрду редактор. — Метражики!

В шесть часов вечера министр внутренних дел Вонна вызвал к себе для докладки комиссара Вука. При их разговоре присутствовала только секретарь полмиссия, и в этот момент достаточно, чтобы в папку Тайного Совета легла стенографическая запись беседы:
ВОННА. — Вуц, с минуту на минуту может позвонить президент и вновь заинтересоваться содержанием статьи в этой первой газетке.
ВУЦ. — Вы хотите, чтобы я писал Честера?
ВОННА. — Нет, я говорю о стрипсе Честера!
ВУЦ. — Так я же говорю...
ВОННА. — Отвечайте по существу, комиссар, а то мы еще сутки не продвинуемся ни на шаг: что вам нужно по делу?
ВУЦ. — В статье говорится о какой-то «эзоне»,

о каких-то опятах над детьми... Но ни одной фамилии и никаких адресов автор не приводит.

ВОННА. — Благодаря вас, но я и сам умею читать. Кроме того, что опубликовано в газете, вы знаете что-либо о «эзоне» и опятах?
ВУЦ. — Как вам сказать...
ВОННА. — Нет и скажите!

ВУЦ. — Нет, я знаю.
ВОННА. — А что и должен, по-вашему, отвечать президенту?
ВУЦ. — Что это все выдумка журналиста.

ВОННА. — А если не так? А если окажется, что в этой таинственной «эзоне» ведется подлая подбезопасность государства? Или процветает заправочный законный бизнес? И я сяду в лужу? И хорошо еще, если мне придется всего лишь покрестить перед членами Тайного Совета! Тогда что ВУЦ. — Тогда скажите, что...
ВОННА. — Хотите гадать, комиссар. Лучше свяжитесь с редактором «Все наилучшее» или с автором статьи, узнайте подробности и доложите мне.

ВОННА. — Можете исполнить!
ВОННА. — Вы еще знаете, комиссар? А я-то Аума, что вы уже беседуете с лордом Аумом!
Линда пустыми глазами смотрела на мужа, и Фреда не перестала ее сносными утешениями, поименно называя в кабинете Гара. Тут же была Сюзи Бойл, — присутствие женщины, как Аума Гара, смягчит положение Линды, — но напряженность не спадала, даже пока присутствующих говорили о том, что они находятся в ожидании чего-то, но что? Кто мог продолжать супругам комиссар Честера? Вокруг все словно замерло, как перед взрывом бомбы замедленного действия, которую уже невозможно обезвредить. Поглядывая на часы, Гара тоже ждал наступления ровных минут, знаменующих собой истечение срока, данного Дорону.

Нет, генерал не беспокоил Гара ни своими визитами, ни даже телефонными звонками. Он тоже замер в своей резиденции, и Гара понимал, что зря он кому-то...
— Кто хочет кофе?
— Линда все теми же пустыми глазами посмотрела на Гара и ничего не отвечала. «Не обойдется без взрыва», — подумала Гара. — Как бы не пришлось вернуться к Честерам.

И вдруг взгляд Линды остановился на содержимом — какой-то разумной мыслию, уже выстраданной, отшлифованной молотом, рожденной не сейчас...
— Что ты хочешь сказать? — встрепенулся Фред.
— Я хочу к Майклу, — четко произнесла несчастная женщина. — Я хочу к нему в Купол.
— Но там Майкл.
— И нет ничего.
— Но там Майкл.
— Я не могу лишиться еще и тебя...
— Пойдем вместе. Ведь там Майкл.

ПРЕЗИДЕНТ. — Что это означает, дорогой Вонна?
ВОННА. — У меня еще нет официальных данных...
ПРЕЗИДЕНТ. — К чему формальности, когда речь идет о ледях и судьбе государства?
ВОННА. — Судьба нашей страны, господин президент, в надежных руках — в ваших! Я спокоен, пока вы...
ПРЕЗИДЕНТ. — Не будем отлакиваться, дорогой Вонна!

ВОННА. — Видите ли, господин президент, публикация журналиста Честера — вымысел, как доложили мне мои фамилии. И именно по этой причине в ней нет фамилий и адресов...
ПРЕЗИДЕНТ. — Вы что-то путаете, Вонна. Есть и адрес: остров Холосток, есть и фамилия: генерал Дорон, даже черт указал: покорение Марса...
ВОННА. — Где? Когда! Впервые слышу...
ПРЕЗИДЕНТ. — Надо читать газеты, Вонна, тем более вам, уж как вы отвечаете за охрану государства. Разве перед вами не лежит вечерний выпуск «Все наилучшее»?

ВОННА. — Чего! Простите, господин президент, по газеткам не имеет вечернего выпуска...
ПРЕЗИДЕНТ. — Что ж, по-вашему, я все разрызал? Вроде бы нам не по чинам и не по возрасту... Через два часа состоится вынужденное заседание Тайного Совета. Подготовьтесь к нему, Вонна, и позаботьтесь, чтобы на заседании присутствовал генерал Дорон.

— Дитрих, Гара! Из-под земли!
Впрочем, война объявлена, и объяснение с Гарами уже ничего не даст. Что может сказать ему Дорон? Что он никогда коммиссаром породающим людей, — как страна опозорится этим термином в данной ситуации, но что подделана, если порядочность Гара, нигде и никогда не запятнана, и позволяла генералу так дешево обмануться? А что считать породающим человеком, но теперь с удовлетворением констатирует, что Гара так же мерзавец, как... как кто? Как все остальные? Как сам генерал Дорон?
Увы, разговор с комиссаром был бы бессмысленным.

Итак, ему удалось усмирить бдительность генерала. Всего на два часа. Как не понаят этого Дорон, торгуясь с комиссаром по поводу часов? А ведь подозревал подвох. Но и чутче у генерала! Ах, тут часом оказался достоянством, что Гара так же склонна творить публикации...
Тираж вышел. Бригада «Молния» безнадзорно опоздала. Сметы Дорон будет сводить потом, сейчас надо думать, как поступать дальше.

Уже был звонок от президента.
Уже последовал вызов на заседание Тайного Совета.
Уже объявился этот крети Вонна.
Уже дежурил возле кабинета Дорона лорд Вуц.

— Генерал у телефона комиссар Гара, — безстрастным голосом объявил Дитрих.
— Вы его нашли или сам?
— Он сам, — сказал Дитрих.
— Позвольте мне задать три вопроса:
— Что скажете, комиссар?
— Я обеспокоен только одним обстоятельством. Пропу выслушать меня, генерал, так как, по всей видимости, нам не скоро удастся встретиться и поговорить.

— Продажайте.
— Я понимаю, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

— Продажайте.
— Вы знаете, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с Умом и Честером Купола и «эзона».

С ерые тучи нескончаемой чередой тянулись по навесов промокшему небу, где-то на горизонте сливался с ровными квадратами широкой бетонки. Мерцачили и мазалики и тренеры. И лишь гонощик, закутанный в тугие кожаные костюмы, казалось, не обращали никакого внимания на движение вокругivolene.

— Раз приехали, надо выгружаться. Эдуард Осипович Лорент решительно направился к прицепу, на котором возмалась автомобиль необычного вида.

— Сейчас дождь кончится, и через час-другой дорожка будет абсолютно сухой.

— Вы думаете! — Механик с сомнением посмотрел на небо.

— Уверен. Здесь, под Харьковом, всегда так. А в самый нужный момент ветер нам поможет... Знаменитый харьковский гонощик подошел к прицепу, где его поджидал сын, и через минуту дружными усилиями автомобиль был спущен на дряхлой бетонной дорожке и сразу окружен плотным кольцом любопытных. Интерес к машине вполне понятен. Ведь «Харьков-12» — первый отечественный «двухместер», на котором уже неоднократно показывались рекордные скорости.

— Прибыли бить свои же рекорды! Революция! Сегодня для нас важнее всего опробовать и обкатать машины...

О рекордах заслуженный мастер спорта СССР, неодинократный рекордсмен страны и мира Эдуард Осипович Лорент говорить не любит. Для него главное в спорте — неустанный, напряженный труд, скрытый от взгляда постороннего наблюдателя. Талантливый конструктор, замечательный механик, первоклассный гонощик превраще всего в жизни ценит трезвый расчет. Ведь профессия гонощика средни профессии летчика-испытателя. Здесь любая оплошность может стать первой и последней.

Быть внимательными и мелочам учит Эдуард Осипович своих учеников — сына Валерия, Эдуарда Костенко, Александра Соломатова, Владимира Капшеева. Всех этих в общем-то молодых, но уже опытных гонощиков объединяет в харьковском спортивно-техническом клубе «Трудовые резервы» любовь и скорость. Ради нее эти смелые, мужественные парни, за плечами которых уже по несколько рекордов Советского Союза, готовы целыми днями пропадать у своих гоночных машин, испытывать каждый узел, каждую деталь.

Атмосфера творческого содружества, неугомонного поиска новых решений в первую очередь и определяет нравственную атмосферу небольшого коллектива клуба «Трактор», о достижениях, машинах и рекордах которого знает далеко за пределами нашей страны.

...Тишину разорвал оглушительный рев двигателя. И когда, казалось, звук достиг самой низкой ноты, машина рванулась вперед.

Рекордные звезды внешне выглядят менее красочно и эффектно, чем, скажем, шоссейно-кольцевые гонки. Здесь нет азарта захватывающей борьбы с соперниками на глазах у многочисленных зрителей. Здесь каждый гонощик один на один ведет спор с неуловимой секундной стрелкой.

Со стороны может показаться все проще простого — взять и проехать на скоростном автомобиле пятсот метров или один километр. Трасса всегда ровная — бетон или высушенная соль. Жив себе на газ и никуда не скорчачивай. Фотофиниш в начале и в конце дистанции. Электрический хронометр зафиксировал время с точностью до тысячных долей секунды. Словом, что-то вроде стометровки в легкой атлетике, советует роду автомобильный спринтер. Промчался по прямой в одном направлении, тут же развернулся и обратно. В зачет идет средняя скорость по двум заездам.

То же самое и при старте на один километр с ходом. Только в этот раз перед стартом, перед фотофиниша, гонощик не может разогнать автомобиль за два-три километра, чтобы на мерном отрезке показать максимальную скорость. Максимум этот высок даже у самых маленьких автомобилей. Например, для класса Н (рабочий объем цилиндров двигателя 0,5—0,75 литра) мировой рекорд с 1963 года принадлежит Э. Лоренту. Девять лет назад его «Харьков-Л» развил скорость 141 км/час.

Всего для автомобилей с двигателями внутреннего сгорания спортивной таблицы Международной автомобильной федерации предусмотрено, в зависимости от рабочих объемов цилиндров, 11 классов. Начиная с Н (до 0,25 литра) и вплоть до скорости свыше 100 км/час — автомобиль А (свыше 8 литров) — 658,53 км/час.

Еще три «весовые категории» предусмотрены

для автомобилей с газотурбинными двигателями (тоже с приводом на колеса). Здесь два мировых рекорда принадлежат советскому гонощнику Илье Тихомирову. Его «Ионер-2» в класс до 500 кг и 500—1000 кг показал соответственно 311,4 км/час и 310,2 км/час. А в классе свыше 1000 кг первенство принадлежит трагически погибшему англичанину Дональду Кимблеллу. Не так давно 648,72 км/час, показанные его «Синей птицей», были наивысшей скоростью — абсолютным мировым рекордом. Теперь, когда в спор вступили реактивные двигатели, такой результат кажется скромным. Для автомобилей этого нового класса «весовой» традиции пока не существует. Реактивный монстр «Синей пламя» (США) два года назад показал среднюю скорость на дистанции один километр с ходом — 1014,1 км/час.

Как видите, в наши дни битва за скорость вступила в новую фазу. Какие результаты будут показаны завтра или послезавтра, трудно не только сказать, но даже представить.

Лорент знает цену этому мерному километру. Ведь каждый старт для гонощика — это бросок в неизвестное. И, может быть, Лорент — один из немногих, кому довелось сполна пережить все трудности нелегкой спортивной жизни.

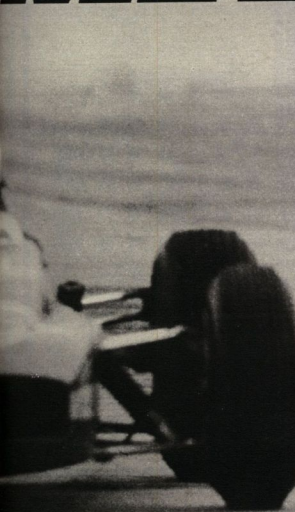
Он начинал в памятные тридцатье, в год первой пятиточки, когда только зарождалась техническая мощь нашей страны. Мальчишкой строил свой первый мотоцикл. Настоящий, год за годом испытывая все «кверсинку», доводил ее «до ума». Свой первый рекорд Эдуард Осипович установил на мотоцикле в 1932 году на спертмакне ВЦСПС. И было ему тогда всего лишь 22 года. А в 1967 году отец и сын Лоренты установили сразу четыре всеосозных рекорда, один из

которых повторил, а второй превисил высшим мировым достижением в своем классе автомобилей.

Теперь пришла очередь его учеников. 10—15 секунд — приблизительно столько потребовалось Владимиру Капшееву, чтобы установить свой первый всеосозный рекорд для машины с рабочим объемом цилиндров 2000 куб. см, показав среднюю скорость на дистанции 104,1 км/час.

Рекордные звезды шли своим чередом. Но на все было глadio у гонощиков. Что-то не ладилось у Валерия Лорента. Одна, другая прищипа — машина плохо «держит» дорогу. Что делать? Все с нетерпением поглядывают на Эдуарда Осиповича. Но Лорент-старший, как всегда, спокоен. Для нескольких советских сыну, он спешит на старт, где уже приготовился к гонке Эдуарда Костенко. Несколько напутственных слов — и металлическая рама на четырех тонких колесах с прозизи-

ЭТО МЫШЦЫ

до сих пор остается в тени. Хотя автомобильные гонки, а в этом абсолютно убежден, могут собрать гораздо больше зрителей, чем бокс или даже футбол. Надо только в наши дни, дни бурного технического прогресса, идти в ногу со временем.

Ити в ногу со временем! Весь жизненный опыт Эдуарда Осиповича Лорента является яркой иллюстрацией к этим словам. Взять, к примеру, его знаменитую гоночную машину «Харьков-ПЗ». Построенная в 1955 году, она до сих пор остается в строю. В этом году в мастерских клуба для нее создана серия уникальных малолитражных двигателей с объемами цилиндров в 250, 350, 500 и 750 кубических сантиметров. Расчетная скорость машины 400 километров в час.

Другой пример — машина Владимира Капш-

Основная особенность автомобиля — на задние, ведущие колеса приходится 82 процента веса всей конструкции. Сделано это для того, чтобы машина могла очень резко брать старт, без пробуксовки колес. На передние колеса приходится только 44 килограмма из общего веса автомобиля в 240 килограммов. При рекордных заездах на короткие дистанции, стартуя с места, автомобиль лишь в конце мерного участка достигает предельных скоростей, при которых начинает скрывать хорошая отбуксовка машины. Поэтому отбуксовка поставлен лишь на раму с двигателем, которая выполнена из легких трубчатых ферм. Передняя и задняя подвески снабжены довольно жесткими пружинами, так как рекордные заезды проводятся на соляных трассах или дорогах с хорошим покрытием.

При создании этого «двухстворчат» Эдуард Осипович остался верен своему принципу. Он создал для машины четыре разновидности форсированных двигателей, которые могут меняться прямо в условиях соревнования.

В настоящее время в клубе готовятся пять автомобилей, каждый из которых сможет штурмовать высшие всесоюзные и мировые достижения. И здесь Лорент верен своей давней идее, которую он неустанно отстаивает на протяжении четырех десятилетий: будущее — за малолитражными и средними автомобилями. Вот почему все машины, созданные в клубе, соответствуют только этим классам. Мне почему-то кажется, что Эдуард Осипович принципиальный противник реактивной техники, которая превращает автомобиль в самолет без крыльев. Правда, лет десять назад в печати появились сообщения о том, что гоночки приступил к постройке рекордного автомобиля с расчетной скоростью 900 километров в час (при теоретическом пределе порядка 924 км/час). Однако и при создании этой машины конструктор предусмотрел переднюю жесткую подвеску на все четыре колеса (предел указан именно для этого случая). Кто знает, может быть, со временем эта машина и выйдет на старт и явится первым советским автомобилем, установившим рекорд скорости в этом классе.

Знакомясь с новыми машинами, разговаривая с гоночниками, каждый раз убеждаешься, что молодые коллеги Лорента (именно коллеги, а не ученики, как неоднократно подчеркивал сам Эдуард Осипович) разделяют оптимизм своего наставника и тренера. Именно оптимизм, вера в свои силы и позволяют дружной пятерке преодолевать многочисленные трудности. А трудностей у них хватает. Практически все приходится делать своими руками. Другой на месте Лорента давно бы все бросил и ушел на покой. Но Лорент не привык отступать. Он знает, что у каждого гоночника есть свой километр, тот один-единственный, который определяет судьбу человека на всю жизнь.

«СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО» — ОТЕЦ И СЫН ЛОРЕНТЫ ПЕРЕД РЕКОРДНЫМ ЗАЕЗДОМ.

тельными воим срывается с места. О чем думает, о чем размышляет в такие минуты человек, руки которого на один десяток лет держали штурвал гоночного автомобиля?

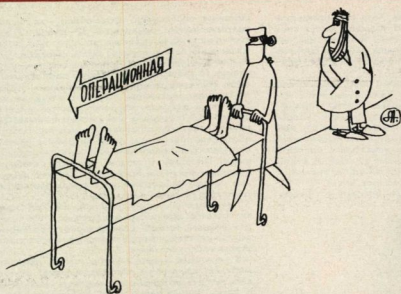
Сорок лет в спорте! Немного найдется в мире имен, которые могут поспорить с ним спортивным долголетием. Сорок лет и семьдесят рекордов СССР, из которых 19 превышали высшие мировые достижения в различных классах малолитражных автомобилей.

Нелегко, совсем нелегко быть на переднем крае советского спорта все эти годы, если к тому же избранный тобою вид требует особого слава мужества и технического совершенства.

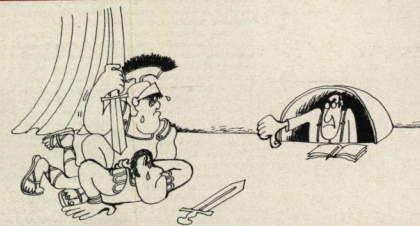
— Что сейчас происходит во всем мире? — говорит Лорент. — Увеличение мощностей двигателей, рост скоростей. Здесь мы ни в чем не уступаем зарубежным спортсменам. Иногда даже заметно превосходим их. А сам автомобильный спорт у нас

ева. Создавалась она для шоссейно-кольцевых гонок. В клубе построены две такие машины, каждая по-своему уникальна. Та, на которой стартовал Владимир, имеет укороченную базу для устойчивости на виражах. И в то же время форсированный двигатель мощностью более 300 л.с. имеет хорошую преемственность при небольшом весе. Эти качества и позволили установить новый рекорд. Что же касается шоссейно-кольцевых гонок, то здесь конструкторы рассчитывают получить солидный выигрыш в скорости именно на прямых участках трассы.

Каждую машину, созданную в клубе «ПР», можно смело назвать оригинальной, новаторской конструкцией. Несколько лет назад Лорент построил гоночный автомобиль «Харьков-ПЗ» для рекордных заездов на короткие дистанции (500 и 1000 метров) со стартом с места. Эта машина зауживает, чтобы о ней было рассказано подробно.

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

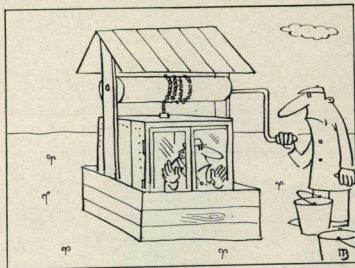
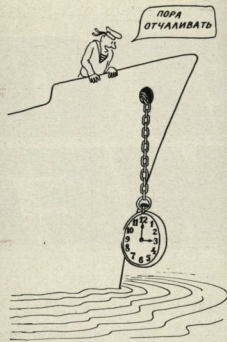
Рисунки Николая КАЛУГИНА

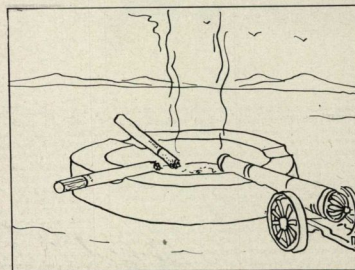
Рисунки Сергея ТЮНИНА

Рисунки Феликса КУРИЦ

Рисунки Виталия ПЕСКОВА

КРОССВОРД

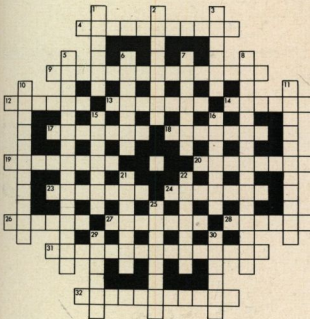
Составил Л. ЧЕРНЕЦКИН,
г. Краснодар

По горизонтали:

4. Русский ученый, математик XIX века.
9. Отдел физики.
12. Семейнохозяйственная машина.
13. Порт в Бухте Нагаева.
14. Прибор для измерения электрического сопротивления.
17. Произведенные живописцы.
18. Инструмент для черчения.
19. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
20. Студент, народный художник СССР.
23. Стрекобы.
24. Журнальное издание.
26. Ценная промысловая рыба.
27. Советский писатель.
28. Приток Волги.
31. Приобретенные знания вне школы.
32. Город на востоке США.

По вертикали:

1. Архитектурный стиль.
2. Условная линия, прохо-

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. Герасимов.
4. Подшипник.
9. Боронина.
10. Аугути.
12. Петя.
13. «Интернационал».
16. Мартен.
19. Тулома.
20. Темпера.
21. Лурецкий.
22. Сведаль.
26. Болонья.
27. Нобадя.
28. Корнет.
31. Побородинов.
33. Топор.
34. Репер.
35. Отрицание.
36. Краснодар.
37. Ирапорцин.

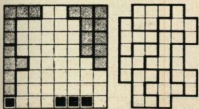
По вертикали:

1. Герасимов.
2. Марти.
3. Ипомея.
5. Диктор.
6. Пелея.
7. Коломада.
8. Эванджит.
11. Интерпретатор.
12. «Навуходоносор».
14. Крагуевач.
15. Попович.
17. Сангучи.
18. «Трутьев».
23. Плимуттор.
24. Клебница.
25. Олтибарсь.
29. Пентод.
30. «Синица».
31. Полис.
32. Ветер.

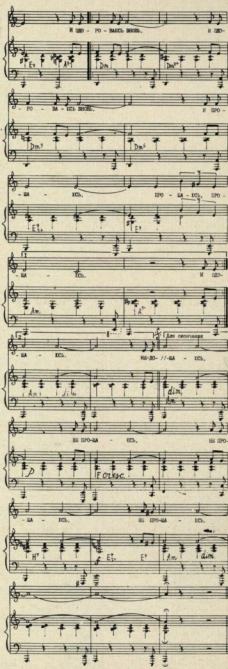
1.

Фигура справа состоит из очерченных пятиклеточных блоков. Разделите их по одному перпендику на свободное поле второй фигуры.

2.

Начиная с самой верхушки ступенчатой пирамиды, отбери́те от каждой ступени по одному только соседнему числу. Какие десять чисел нужно отобрать, чтобы их сумма равнялась самому большому из возможных итогов?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Слова Евгения ДОЛМАТОВСКОГО

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

В переулке темно и безлюдно,
Лишь одно не погасло окно.
Подойти к нему сложно и трудно,
Но теперь уже все решено.

Припев:

По сгоревшим мостам,
Где ходила любовь,
Я к звонам мостам возвращаюсь.
И здороваюсь вном,
И здороваюсь вном,
И прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь.

Недоверчив твой взгляд и тревожен,
Для того есть немало причин.

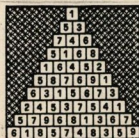
Объяснись... А лучше, быть может,
Для начала вдвоем помолчи.

Припев:

На улыбку улыбки ответчу,
Не считая взаимных обид.
Выходящим другу другу двастрену
Есть что вспомнить и что позабить.

Припев:

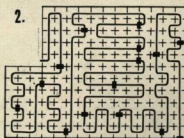
По сгоревшим мостам,
Где ходила любовь,
Я к звонам мостам возвращаюсь.
И здороваюсь вном,
И здороваюсь вном,
И прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧ

«СМЕНЬ» № 10

1. Кубик № 3.

Со стр. 21.

и сказанному, что вопросы качества продукции, расширения ассортимента одежды и обуви — главная тема постоянно действующего в Грузии Школы качества, что работа Дома моделей и предприятий легкой промышленности находится в центре забот Тбилисского горкома партии, то станет ясно: мода в Грузии — это общее дело тысяч людей разных профессий.

...Знакомство с азербайджанским Домом моделей началось на Бакинском аэродроме, где наше внимание привлекла простая и элегантная форма бортированщиц. Чуть позже мы заговорились с мастерами работы новой гостиницы «Бану». Как рассказали нам, в Бакинском Доме моделей немало внимания уделяется и производственной одежде, и костюмам для домашней работы, и всем так разнообразным темам, которые диктуют художникам климат, историю, традиции труда и отдыха в Азербайджане.

Первое, что бросается в глаза на улицах Бану, — это популярность миди-юбки.

Но ведь они уже уходят в прошлое? Может быть, недостаточно успешно ведется работа по пропаганде нового в моде?

Искусствовед Бакинского ДМО Дина Сергеева объясняет: эта длина более всего соответствует традиционному вкусу азербайджанских женщин. Но миди-юбка не единственный вариант длины: модницы с удовольствием носят и короткие, чуть выше колена платья; женщины постарше предпочитают длину по колено.

Этим летом девушки в Бану по-прежнему носят брючные ансамбли, но предложения модельеров основаны на глубоком изучении народного костюма: например, длинные блузоны (туники) с широким рукавом на присобранном шнурке у запястья носят с тонкими хлопчатобумажными широкими брюками, имитирующими стиль национальных шаровар. Материал для туник — шелк, который в яркой гамме, в разнообразных рисунках выпускает Шенский комбинат столицы Азербайджана.

Дыхание народного фольклора осязательно и в другом популярном брючном ансамбле, где блуза, украшенная золочеными блочками, с разрезом вперед, имитирует старинный народный костюм «Дон».

Спортивность стиля определила широкую популярность летних платьев, костюмов, юбок из ситца, репса, поплина. Такой «унифицированный» гардероб, состоящий из многих компонентов, удобен в Бану, где море и пляж — это, по существу, центр города.

Комбинат имени Ленина в Бану выпускает разнообразные по фактуре и расцветкам хлопчатобумажные туники, из которых делаются ситцевые брючные ансамбли, спортивные комплекты из нарядного репса — с декоративной строчкой по карманам, короткорукавные юбки (этот ансамбль, пользующийся особым успехом, демонстрирует его автор Лена Пятерия, художник-модельер и манекенщица Дома моделей). Запоминаются и унифицированные «гардероб домашней хозяйки» (набор принтов, называемых фатугов-сарфанов и одному платью), и оригинально одионый вечерний туалет из тончайшей шифоновой блузы, ирландского жилета и широких брюк-шаровар, и спортивный ансамбль из тонкого джерси, украшенные шерстяным шнуром.

И сожаление, в магазинах города этих ансамблей мы не увидели. А ведь творческая идея должна найти воплощение и призвание в реальной жизни, за стенами лабораторий мастеров моды.

НАРОДНЫЙ ФОЛЬКЛОР ЖИВЕТ В КАЖДОМ РАБОТЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ МОДЕЛЬЕРОВ.

ЛЕТО В ТБИЛИСИ: СИМФОНИЯ КРАСОК В ЯРКИХ ШЕЛКАХ.

ЛИТОВСКИЕ КРЕДИ В ГРУЗИНСКОМ АНСАМБЛЕ.

